

Владимир Викторович Семибратов родился 15 октября 1976 года в Оренбурге. Окончил среднюю школу и юридический факультет Оренбургского государственного аграрного университета. Занимается частной юридической практикой в сфере земельного права. Литературной деятельностью в жанре фантастики и футурологии начал заниматься с 2010 года. Увлечения: парашютеризм, астрономия, альтернативные источники энергии, безопорные двигатели, история (палеоконтакты).

ISBN 978-5-600-01551-7

9 785600 015517

Владимир Семибратов

Попаданец наоборот

с Гражданской войны
на Великую Отечественную

Повесть

Оренбург 2016

УДК Р2
ББК 84 (2=411.2) 6-4
С 30

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и правления Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК Р2
ББК 84 (2=411.2) 6-4
С 30
ISBN 978-5-600-01551-7

Владимир Семибратов. Попаданец наоборот. Повесть. – Оренбург: Издательский центр МВГ, 2016. – 100 с.

1919 год. Гражданская война. Россия. Урал. Под натиском красных белые стремительно отступают. Патронов не то что воевать, застрелиться на всех не хватит. Бой для двух десятков белогвардейцев, оставшихся от сводного офицерского полка, ещё недавно входившего в состав армии генерала Каппеля, стал последним. Штабс-ротмистр Истомин остался один. Из оружия – финка, граната и наган с пятью патронами в барабане. Хорошо хоть лес рядом. Красные в него не пойдут. Очень им это надо – за одним беляком гоняться. Сам сдохнет или волки сожрут.

Конечно, красные, скорее всего, лес прочёсывать не будут. Но побережья всё же стоит. Не человека, зверя – ночь скоро. Посреди лесной поляны странно расположенные кругом валуны из синего камня. В центре круга ещё четыре валуна, накрытых плоской каменной плитой, образуют подобие пещеры. Удобно и безопасно. Лег и уснул.

А когда проснулся, оказался в июле 1941 года под Смоленском. Два десятка лет прошло вне времени и пространства. Что теперь делать, на чью сторону встать? В России, теперь уже в Союзе Советских Социалистических Республик, у власти большевики, с которыми ещё вчера Истомин воевал. А немцы заявляют, что хотят освободить Россию от большевиков и утвердить новый мировой порядок. Но так ли благородны их цели? И останется ли в этом новом мировом порядке место для России и её народа вообще?

© Владимир Семибратов, повесть, 2016 г.
© Оренбургское региональное отделение
Союза российских писателей, 2016 г.

*Все описанные события вымышлены.
Возможные совпадения случайны.
Но так могло быть?*

Пролог

Большие настенные часы с гирями мелодично пробили пять раз. Дежурный адвокат довольно глянул на циферблат. До конца рабочего дня остался всего один час – и можно идти домой встречать Новый, 1992 год. Хоть бы в эти последние шестьдесят минут никто не пришел. Нет, работа адвоката, особенно по гражданским делам, – дело интересное, ничего не скажешь. Но отдыхать тоже надо. Ведь не вся жизнь должна состоять из выступлений в судах или распутывания юридических ребусов, которых в связи с переменами в стране становится с каждым днем все больше и больше.

В дверь постучали. Ну вот, очередной ребус пожаловал, вздохнул адвокат. Придется работать. Плакал полноценный новогодний отдых. Хотя, с другой стороны, если дело интересное и прибыльное, оно может стать неплохим рождественским подарком. А впрочем, сейчас узнаем. Он произнес:

– Входите!

Дверь распахнулась, и в приемную вошел пожилой мужчина. Просто, но опрятно одетый. Типичный советский, ну или постсоветский пенсионер, если учесть, что уже пять дней как исчез с карты мира Советский Союз. От такого посетителя серьезного дела ждать вряд ли стоит. Скорее всего, ему нужна консультация по вопросам наследования или что-то в этом роде. За полчаса вполне можно управиться.

Вошедший поздоровался и задал не совсем стандартный в такой ситуации вопрос:

– Вы Владимир Викторович?

– Да, – адвокат пристально посмотрел на посетителя. Когда так начинают разговор, значит, это человек не случайный, а пришел по чьей-то рекомендации, что всегда приятно. Сработала деловая репутация.

– Я Лаптев Василий Андреевич, – представился клиент. – Мне вас рекомендовал ваш дипломный руководитель как человека не только высокого профессионального уровня, но и с необычными увлечениями. Как он мне сказал, вы занимаетесь парапсихологией. А в прошлом году ездили в Крым и изучали дольмены в составе археологической экспедиции. Вот почему я решил, что ваше отношение к тому делу, которое мне необходимо оформить, будет более или менее адекватным и вы не наберете 03 сразу после услышанного.

Да, начало интригующее. Адвокат еще раз пристально посмотрел на клиента. О его увлечении парапсихологией и аномальными явлениями вообще в адвокатской среде мало кто знал. Но дипломный руководитель и «по совместительству» председатель коллегии входил в круг посвященных, поскольку сам имел схожие интересы. Возможно, сказывалось прошлое офицера КГБ.

– Я, Василий Андреевич, – адвокат сделал паузу, – не врач-психотерапевт, но одно могу сказать определенно: в нашем мире то, что еще вчера называлось фантазией, если не сказать хуже, сегодня уже становится реальностью, и вот поэтому у меня в вопросе восприятия окружающего есть свой принцип. Как в точности устроен мир, я не знаю, а потому в нем может быть все, даже самое невероятное. Так что насчет 03 можете не беспокоиться. Снимайте верхнюю одежду и присаживайтесь к столу. Я вас выслушаю. Клиент повесил на вешалку возле двери пальто и шапку. Присел к столу и, помолчав с минуту, произнес:

– Мне, Владимир Викторович, необходимо поменять фамилию, имя и отчество. В действительности я не Лаптев Василий Андреевич. Моя настоящая фамилия Истомин. Истомин Владимир Васильевич. Я дворянин и штабс-ротмистр Русской армии. Родился в Санкт-Петербурге в 1894 году. Окончил кадетский корпус. Участвовал в Первой мировой войне с 1916 года. Потом в Гражданской на стороне белых в составе армии генерала Каппе-

ля. До 22 июля 1919 года. А после – в Великой Отечественной с 22 июля 1941 года. Причем из 22 июля 1919 года я сразу попал в 22 июля 1941 года, переместившись во времени и пространстве всего за одну ночь, проведенную внутри дольмена. Меня перебросило во времени на 22 года в будущее и в пространстве – на пару тысяч километров западнее. Со Среднего Урала в район Смоленска. Там я присоединился к частям Красной армии, воспользовался документами моего погибшего однополчанина Васи Лаптева – Лаптева Василия Андреевича. И с тех пор живу под его именем. Пять дней назад прекратил свое существование Советский Союз, и я, наконец, могу, не опасаясь преследований, вернуть себе свое настоящее имя. Вот за этим, господин адвокат, я к вам обратился.

В приемной повисла звенящая тишина. Лишь стенные часы монотонно отбивали секунды.

– Я вас понял, господин Истомин, – первым нарушил молчание адвокат. – Звонить психиатрам не буду. То, что произошло с вами, – случай в истории не единичный. Но чтобы вам помочь, мне всего услышанного недостаточно. Ведь вы хотите не просто поменять запись в паспорте, а доказать, что вы и есть Владимир Васильевич Истомин. Русский офицер и дворянин, родившийся в 1894 году в Санкт-Петербурге.

– Да, именно это мне и нужно. Простая замена паспорта не имеет смысла. Может быть, кому-то это покажется странным, но мне очень важно снова стать тем, кем я был. Русским офицером и дворянином, чтоб хотя бы умереть под своим настоящим именем.

– В этом случае... – адвокат помолчал. – Вам, Владимир Васильевич, необходимо рассказать мне всю вашу историю в подробностях начиная с 22 июля 1919 года. Чтобы было за что зацепиться.

– Да, да, конечно, Владимир Викторович. Но только я буду вести рассказ от второго лица. Так мне удобней. Когда полвека живешь под чужим именем, это дает о себе знать.

– Ну это уже как вам будет угодно, господин Истомин, – адвокат улыбнулся. – Я вас слушаю.

Глава 1

– Господин штабс-ротмистр, разведчики возвращаются.

– Вижу, поручик, вижу. И, судя по всему, от красных мы все же оторвались, иначе наш есаул летел бы во весь опор.

Штабс-ротмистр Истомин поднялся с земли и вышел на опушку леса, к которой подъехали разведчики. Есаул соскочил с коня.

– Все тихо, ваше благородие, знать, все же отстали красные.

– Что же, есаул, и на том спасибо. Единственная хорошая новость за все эти дни. Вот только одно мне непонятно: почему красные перестали нас преследовать? Может, засаду готовят? Места здесь глухие, дорога, считай, одна; встретят где-нибудь в удобном месте, и до Сибири мы не дойдем точно. К тому же патронов, как на грех, всего двести семь штук осталось, считая те, что в моем нагане.

– Да, дела, – есаул нахмурился, – это же по две обоймы на человека. Тут не то что воевать, от волков отбиваться нечем. Я, ваше благородие, вот что думаю: коли у нас так с патронами вышло, то надобно...

Треск пулеметной очереди и грохот взрыва в глубине леса слились в один звук. Истомин, упав на землю, откатился за упавший ствол сосны. Взгляд тут же поймал расположение пулеметной точки – из кустов на соседнем холме длинными очередями бил «максим». «Но взрыв? Откуда взрыв? – вертелась в голове мысль. – Гранаты? Это точно гранаты – в седельной сумке у ротмистра Лисицына было аж шесть штук. Да еще тол. Пулеметная очередь наверняка попала в них, они и взорвались. Если так, то дело плохо. Там вряд ли кто уцелел. Да и здесь я один живой». Есаул и двое его казаков лежали неподвижно, скошенные пулеметом. «Хотя, может, кто и остался? Не все же они вокруг этих гранат стояли». Пулемет на мгновение замолчал. Тут же из-за холма вылетели не менее полусотни всадников и поскакали к лесу. Пулемет снова открыл огонь, прикрывая наступающих кавалеристов. В ответ от места стоянки тоже прозвучала пара выстрелов. «Ага, значит, и там еще кто-то живой остался. Уже легче. Главное – пулемет заткнуть, а тогда, дай бог, и отобьемся». Истомин скинул с плеча винтовку и чуть не взвыл от ярости. Осколок от взорвавшихся гранат угодил в затвор, намертво его заклинив. Оружие стало бес-

полезным, а из нагана с двухсот саженой, да еще и по такой цели, стрелять без толку. Хотя все-таки попробовать можно. Хуже не будет. «Пусть лучше из пулемета расстреляют, чем к красным в плен». Истомин встал во весь рост, вынул из кобуры наган и, прицелившись, как в тире, два раза выстрелил. Пулемет замолчал. «Ну надо же – попал!» Путь к отступлению в глубь леса свободен.

Несколько секунд хватило штабс-ротмистру Истомину, чтобы добежать до лагеря. Но все отступавшие с ним шестнадцать человек были уже мертвы. Большинство погибли сразу от взрыва гранат. Уцелел, по-видимому, лишь поручик Репнин. Будучи раненым, укрываясь за большим пнем, он пытался отстреливаться из маузера, но истек кровью. Со стороны опушки уже слышался конский топот. «Все, больше здесь делать нечего. Красные либо зарубят, либо в плен возьмут. Надо уходить, – решил Истомин, – а то погибну по глупости». И, подхватив с земли свой вещевой мешок, бросился в лес.

Глава 2

Солнце клонилось к западу. Истомин осторожно шел по лесной чаще, пробираясь сквозь густой подлесок. «Эх, хоть бы пашка была, все б легче было. Да только нет ее, в предпоследнем бою сломал». А лес кругом стоял дремучий, точно сказочный. Только избушки Бабы-яги для полноты картины не хватало.

Теперь погони можно не опасаться. Но поберечься все-таки стоит, нет, не человека – зверя. Ночь впереди, а спать под деревом – не лучшая мысль. Преодолев очередные заросли, Истомин вышел на небольшую поляну и застыл от удивления. «А вот и домик Бабы-яги, ну или почти», – первое, что пришло ему на ум. Вид у поляны был действительно необычный. Она была абсолютно круглой, а по ее периметру вплотную друг к другу лежали странные синие валуны полусферической формы высотой почти в рост человека. В центре кольца из валунов лежали еще четыре таких же валуна, накрытых сверху треугольной каменной плитой, образуя подобие небольшой пещеры.

«Да это же языческое капище. Вот так удача!»

К науке штабс-ротмистр Истомин был неравнодушен всегда. Эх, если бы не Гражданская война, какое бы это было открытие. Выходит, не только в Англии Стоунхендж имеется, но и в России тоже. «Ничего, доберусь до своих, обязательно сообщу. Жаль только, что инструментов, чтобы точно географические координаты места определить, нет. Но это не так уж и важно. Примерный район известен, а отыскать эту поляну снова будет лишь делом техники». Истомин перемахнул через валуны и, дойдя до центра древней постройки, вошел под своды языческого алтаря, как он сам его назвал. Над входом в алтарь на образующей крышу плите был высечен странный знак.

Посмотрев на него с минуту и не припомнив ничего подобного из гимназического курса Древней истории, Истомин быстро поужинал припасами из вещмешка и, положив его под голову, погрузился в глубокий сон. Причем сон был настолько крепким, что не выпустил Истомина из своих объятий, даже когда в полночь при свете взошедшей огромной круглой луны всю поляну вдруг заволокло плотным зеленым туманом, а окружающие ее синие валуны вспыхнули мерцающим голубоватым светом. Но все это длилось считанные мгновения. Валуны погасли, зеленый туман рассеялся так же быстро, как и появился. Вот только внутри алтаря уже никого не было.

Глава 3

Прохладная утренняя роса легла на лицо. Истомин открыл глаза и моментально проснулся. Солнце поднялось уже высоко над вершинами деревьев. Лес шумел под дуновением слабого ветерка. Стрекотали кузнечики, пели птицы. Пахло хвоей и земляникой. Хорошо. Не поляна, а рай. Даже чувство постоянной усталости, оставшееся непременным спутником Истомина все последние

дни, куда-то исчезло, испарилось. Тело было бодрым и свежим, как после долгого отдыха. Истомин улыбнулся. Да, умели предки выбирать места для своих языческих обрядов. Но ничего не поделаешь, пора в дорогу. Перекусив остатками продуктов из вещмешка, Истомин покинул колдовскую поляну и углубился в лес.

Странно, но характер местности резко изменился. Исчез густой подлесок, почва стала более ровной, деревья стояли не так плотно. Это одновременно и радовало, и настораживало Истомина. Радовало, потому что позволяло идти быстрее. Из продуктов в вещмешке оставался только хлеб, и надо было попытаться быстрее выйти к населенным местам. С наганом ведь не поохотишься. А настораживало, потому что в случае чего в редких зарослях труднее будет укрыться.

Вдруг внимание Истомина привлек странный жужжащий звук, исходящий с неба. Он задрал голову и увидел летящий совсем низко аэроплан. Окрашенная в ярко-зеленый цвет крылатая машина плыла в безоблачной синеве неба. «А аэроплан-то красных», – сразу понял Истомин, поднес к глазам бинокль. На крыльях, хвосте и фюзеляже биплана были ясно различимы опознавательные знаки в виде красных пятиконечных звезд. «Не иначе как меня ищут», – мелькнула неприятная мысль, но тут же исчезла, поверженная неоспоримой логикой фактов. Да кто он такой, чтобы за ним на аэроплане гонялись? Капель, что ли, или сам Колчак? Нет, раз уж красные авиацию подтянули, то, видимо, поблизости есть для них добыча посерьезнее и покрупнее. Наверное, какое-нибудь белое соединение тоже в Сибирь пробивается, что, собственно говоря, очень Истомину кстати.

Но тут события приняли совершенно неожиданный оборот. Послышался рев еще двух авиационных моторов. Со стороны запада в небе появились еще два аэроплана, но каких! Монопланы с черными крестами на крыльях и свастикой на хвосте. Как коршуны, увидев добычу, спикировали на зеленый биплан. Раздался треск пулеметов, и, теряя высоту, оставляя за собой полосу черного дыма, аэроплан красных понесся к земле. Но через мгновение один из монопланов с крестами тоже задымил, развернулся и со снижением пошел к западу.

Как зачарованный, стоял Истомин и наблюдал воздушный бой. Что же это такое? Что за неизвестные аэропланы сбили биплан красных? Чьи они? Крест на крыльях только у немцев, а вот

свастика... О боже! Только тут до Истомина дошло, что подбитый неизвестный моноплан падает прямо на него. Единственное, что он успел сделать, это инстинктивно упасть на землю. А аэроплан, ломая деревья, рухнул в нескольких сотнях шагов от него. «Да, повезло, что не на голову», – только и подумал Истомин. Встав и отряхнувшись, направился к месту падения. Его так и раздирало любопытство, что это за аэроплан. Взрыв был несильный, из чего можно было сделать вывод, что могли остаться крупные обломки и, возможно, не сильно пострадало тело погибшего авиатора. А при нем должны быть документы, карта и оружие, что в сложившемся положении совсем не лишнее.

Подойдя к месту катастрофы, Истомин убедился в своей правоте. Ударившись о деревья, аэроплан развалился на части, а летчика выбросило из кабины. Его мертвое тело свисало с ветвей осины. Чуть поодаль, на поверхности небольшого, сильно заболоченного лесного озера, горела вода. Очевидно, туда упал мотор. Поняв, что пожара не будет, Истомин скинул на землю труп и осмотрел погибшего. Внешне авиатор пострадал не сильно, видимо, смерть наступила из-за внутренних повреждений. Значит, оружие и документы в этом случае, скорее всего, целы. Первое, что сделал Истомин, это вытащил из кобуры летчика его личное оружие – немецкий пистолет «люгер-08», он же парабеллум. Вполне знакомая вещь еще с германской. Потом достал из планшета карту. Надписи на немецком. Странно. На карте была изображена часть Смоленской губернии. Глупость какая-то – где Урал, а где Смоленск? Зачем же лететь с картой той местности, которая от тебя за несколько тысяч верст? Не иначе как перед вылетом немец карты перепутал. Стоп, а это еще что? Взгляд Истомина упал на мелкий шрифт в нижней части карты. Отпечатано в Берлине в 1941 году, следовало из надписи. Да уж, что летчик, что наборщик. Издали карту «будущего». А еще хвалятся: немецкий порядок, немецкий порядок. Ладно, посмотрим, что это за такой «непорядочный» немец попался.

Расстегнув комбинезон пилота, Истомин достал документы и обомлел. Летное удостоверение выпало у него из рук. И было от чего рукам не слушаться – из удостоверения следовало, что погибший является немецким летчиком-истребителем, вот только родился он в 1919 году, причем в декабре. А сейчас июль! И выдан был сей документ в апреле 1939 года. Такого просто не мог-

до быть. Истомин помотал головой, пытаясь привести мысли в порядок. Поднял удостоверение, прочитал его еще и еще раз, желая понять, что все это значит. Карта Смоленской губернии с опечаткой в дате издания – это вполне могло быть. Ну ошибся наборщик, цифры в дате выпуска местами перепутал. Из-за этого карту, само собой, никто не забракует. Но личные документы! В них две ошибки: в дате рождения и дате выдачи. Да писаря за такие ошибки!.. Ведь подобные документы в принципе недействительны. Если только сейчас не 1941 год.

Истомин снова помотал головой. «Меня что, от взрыва аэроплана контузило, что ли? Как можно из 19-го года в 41-й попасть?» «А ты на него внимательней посмотри, – вдруг вмешался внутренний голос. – Комбинезон-то не на пуговицах. Дальше: вы, ваше благородие, на фронте с 1916 года. Были у немцев такие аэропланы, как тот, на котором он сейчас летал, и не один, а в паре? Да и чего бы это немцам за красными гоняться, если их Ленин – шпион немецкий. Ну сами посудите, может ли быть такое? Не может. А раз так, то на дворе 1941 год».

Всю свою жизнь Истомин считал себя человеком разумным, признающим в споре только логику и факты. А посему, чудовищным усилием воли заставив замолчать внутренний голос, от слов которого бросало в дрожь, он стал искать доказательства обратного. Но вот только нашел доказательства прямого, да еще какого! Кроме летной книжки, в карманах погибшего оказалось удостоверение непонятной организации «СС», в которой покойный авиатор имел честь состоять с 1941 года в звании шарфюрера. А также карманный экземпляр книги некоего Адольфа Гитлера «Майн Кампф» («Моя борьба»), изданный в 1938 году в Берлине, и свернутая вчетверо листовка на русском языке, из которой следовало, что победоносная немецкая армия, начавшая 22 июня 1941 года войну против Советской России, пришла на русскую землю, чтобы освободить ее народ от власти большевиков. А потому всем русским людям предлагается не оказывать сопротивления немецким войскам и переходить на их сторону.

Круг замкнулся.

Глава 4

«А неплохой, оказывается, в будущем шоколад», – констатировал Истомин, пережевывая последний кусочек шоколадной плитки, найденной у немецкого летчика.

С того момента, как он под давлением неопровержимых фактов осознал, что все-таки попал в 1941 год в район Смоленска, причем, судя по всему, в июль, ну или в конец июня, прошло уже несколько часов. Как это случилось и почему, так и осталось для него загадкой. Можно было лишь с уверенностью утверждать, что перемещение во времени и пространстве произошло на той самой колдовской поляне с языческим капищем.

Но почему, для чего, отчего и зачем, волновало сейчас Истомина меньше всего, поскольку были вопросы и поважнее. А именно: как быть и что теперь делать? Было совершенно очевидно, что в Гражданской войне красные все-таки победили и смогли построить свое государство – Советскую Россию. Далее некоторое время назад, примерно с месяц или около того, Германия напала на Россию, пусть и Советскую, но все-таки Россию, с целью, как это следовало из пропагандистской листовки, освободить российский народ от гнета большевиков.

И последнее: он, штабс-ротмистр Истомин Владимир Васильевич, русский офицер и дворянин, дававший присягу государю императору, оказался, вероятно, в прифронтовой полосе. Если вообще не за линией фронта, у немцев. Без документов, но зато с оружием и в военной форме белого офицера. А самое неприятное – о том, что произошло за последние два десятка лет в России и мире, ему совершенно не известно. Положеньице, как говорится, мерзопакостное, да уж. Только и остается, что на первом суку удавиться. Благо выбор большой, лес кругом, деревьев много. Одна беда: веревки нет и мыла тоже.

Истомин усмехнулся. Самоубийство – это последнее, на что он решится. Потому как для него, что у красных, что у немцев, и петля, и пуля всегда найдутся. Если, конечно, дураком будет. Ну а если серьезно, раз уж так случилось, что Господь Бог отправил его в будущее, да не абы куда за тридевять земель, а в Россию, хоть и советскую, но все же Россию, причем в тот момент, когда враг на его Родину напал, то, значит, неспроста это. И он, штабс-рот-

мистр Истомин, русский офицер и дворянин, здесь и сейчас для чего-то нужен.

Правда, насчет врага – это еще вопрос. Может быть, немцы сейчас – как страны Антанты, что в Гражданскую белым помогали? В этом позже разберемся. А пока следует провести разведку и добыть побольше информации о том, где он находится: на красной территории или уже на занятой немцами? Которое сегодня число? Какое настроение у местного населения вообще и отношение к советской власти в частности? Как ведут себя немцы на занятой территории? И, наконец, не менее важно любыми путями узнать историю России за прошедшие 22 года. Ведь без этого он как слепой, глухой и немой. У первого встречного вызовет подозрения, а на войне подозрительный – значит, шпион. Расстреляют у ближайшей стенки.

Что же касается личной биографии, то в случае чего немцам можно, да и нужно свою рассказать, а красным вполне сойдет биография последнего денщика. Хороший он мужичок, разговорчивый. Был. Кстати, родом из здешних мест, что, вообще-то, весьма и весьма кстати. Из-за войны легенду не проверишь. Так размышлял Истомин, сидя на пне под большой березой, пока его внимание не привлек странный объект, появившийся в небе, – едва различимая при ярком свете дня половинка луны. «Вот и еще один факт в пользу того, что меня во времени перекинуло, – резюмировал он. – Вчера там, на поляне, было полнолуние. А впрочем, хватит думать. Диспозицию определил, пора на разведку». С этой мыслью Истомин поднялся с пня, сориентировался по солнцу и направился к указанной на карте немецкого летчика дороге.

Глава 5

А вот и дорога. Истомин осторожно раздвинул придорожные кусты. По дороге шла группа людей. Гражданские – женщины и дети. Все с сумками и узлами. «Все ясно: беженцы. Стало быть, я еще у красных», – сделал вывод Истомин. Если, конечно, ситуация на фронте не напоминает слоеный пирог, что тоже может быть.

С неба послышался уже знакомый шум авиационных моторов. Над дорогой совсем низко появились четыре немецких, судя по крестам и свастикам, аэроплана. Беженцы, увидев их, заматались в разные стороны. «Зря боитесь, – Истомин улыбнулся. – Они же специально снизились. Проверяют, кто вы – военные или нет. По гражданскому населению никто стрелять не будет».

Но случившееся потом заставило Истомина испытать такое, чего он не испытывал за всю германскую войну и последующую Гражданскую. Круто развернувшись, аэропланы спикировали на толпу и начали расстреливать ее из установленных в крыльях пулеметов. А потом сбросили бомбы. Все произошло очень быстро и одновременно медленно. Будто в кошмарном сне, видел Истомин, как падают под пулеметными очередями женщины и дети, а потом все исчезло в облаках бомбовых разрывов. Кошмар закончился так же внезапно, как и начался. На дороге оседала пыль, кругом лежали убитые. Истомин, пошатываясь, вышел из кустов. Как он ни искал, в живых не осталось никого. Немецкие пулеметы и бомбы накрыли всех беженцев. Так вот, значит, как вы собираетесь освободить российский народ от большевиков – вместе с ним самим! Да эта пропаганда в немецкой листовке похлеще, чем у большевиков, во сто крат будет. Ну что же, тем хуже для немцев. Не победят они, это точно. Ведь если человека поставить перед выбором между смертью и смертью – смертью позорной и смертью героической, – то победить его нельзя, можно только убить. А всех вы... убить не сможете.

Истомин чуть не споткнулся о полуразорванную сумку, а в ней – какая удача! – кроме личных вещей убитого хозяина оказалась аккуратно завернутая в газету за июль 1941 года книга по истории СССР 1940 года издания в великолепном кожаном переплете с золотым тиснением. Подобрал книгу, Истомин быстрым шагом направился к лесу. Ему было необходимо время, чтобы все обдумать и оценить.

На чьей стороне он будет воевать в этой войне, он уже знал.

Глава 6

«Ну какой леший вас сюда занес? Что вам, нормальных дорог мало?» – Истомин чуть не плюнул от досады. А так все хорошо начиналось. Вторая половина дня прошла более чем успешно. Дальнейшие наблюдения за дорогой показали, что он уже оказался на оккупированной немцами территории. Буквально через какой-нибудь час после того, как немецкие аэропланы расстреляли беженцев, снова послышался шум моторов, и по дороге проехали пять мотоциклистов, а затем пошли войска. Пехота на грузовых автомобилях, броневики и, очевидно, танки. Правда, увиденные Истоминим бронированные машины на гусеничном ходу с башенными орудиями сильно отличались от танков его времени, которые он и видел-то только на иллюстрации к газетной статье. Но все же прошло два десятка лет, и наверняка конструкторская мысль в танкостроении ушла далеко вперед, так что это определенно могли быть только танки.

Потом, отойдя от дороги подальше в лес, Истомин от корки до корки прочитал книгу об истории России. Вернее, теперь уже СССР – Союза Советских Социалистических Республик. Заодно изучил газету, из которой получил хотя бы приблизительное представление о положении на фронтах за истекший военный месяц. И, что особенно порадовало, в газете была опубликована статья о том, что недавно в этом районе снимали кино про Гражданскую войну. Это навело Истомина на мысль о том, как ему легализоваться в случае встречи с Красной армией: выдать себя за актера или лучше подсобного рабочего, участвовавшего в масовке, а то киноактер – уж слишком большая величина, во всяком случае, в его время так было. Лишние вопросы появиться могут, а так... Вот откуда у него форма и почему нет документов? Да мы кино снимали, а тут авианалет. Одежда и документы сторели. Ну не голым же ходить. Версия, конечно, не самая правдоподобная, если не сказать больше, но все же лучше, чем ничего. Хотя выходить в ближайшее время к своим Истомин не собирался. Наилучшим вариантом была бы, по его мнению, организация партизанского отряда из местных под его командованием. Подобный отряд во главе с кадровым офицером, имеющим трехлетний боевой опыт, нанес бы немалый ущерб врагу, действуя на его комму-

никациях, как в Отечественную войну 1812 года. А о том, что эта война будет иметь именно такой характер, Истомин после увиденного на дороге не сомневался.

Вот поэтому на следующее утро он пошел искать деревню. Надо было пополнить запасы продуктов и, если повезет, разжиться оружием у какого-нибудь не слишком осторожного немца. А то наган с пятью патронами в барабане, парабеллум, финка и граната – так это больше для самоуспокоения, чем для войны. Хорошо бы достать винтовку или ружье-пулемет. А потом безотлагательно приступить к формированию партизанского отряда...

И вот теперь из-за нелепой случайности весь план ставился под вопрос. Деревню он нашел. Небольшую, всего в четыре избы. Причем люди жили только в одной. Дед с бабкой и, очевидно, внук. Темноволосый кудрявенький мальчик лет пяти-шести. Кругом все было тихо. Только в небе гудели пролетающие аэропланы.

Они-то и сыграли с Истоминим злую шутку. Из-за них он не сразу услышал шум моторов, а когда из леса выехали два мотоцикла и броневик, отступить было уже поздно. Укрывшись за сараем, Истомин приготовил оружие и стал наблюдать. Всего немцев было восемь. Семь солдат и один офицер. Солдаты одеты в обычную полевую форму мышинного цвета, а на офицере черная форма с одним серебряным погоном и, ко всему прочему, на левой руке красная повязка с белым кругом, внутри которого черная свастика. Каждый солдат был вооружен ружьем-пулеметом, а у офицера только пистолет. Офицер прошелся пару раз по двору. Потом остановился, пристально посмотрел на мальчика, произнес: «Юде», вынул из кобуры пистолет и прицелился в ребенка.

Нажать на спусковой крючок он не успел. Истомин расстрелял ему в спину все пять патронов, оставшихся в барабане нагана, а потом метнул в сторону остолбеневших от неожиданности немцев гранату, отскочив за стену сарая. Гранату он метнул с перелетом – так, чтобы осколки от взрыва накрыли только солдат, но не заделали своих. Затем, перепрыгнув через невысокий плетень, бросился к немцам. Добить уцелевших из пистолета, пока они не очухались. Это почти получилось, но на пятом выстреле парабеллум дал осечку, а последний оставшийся в живых немец уже

целил Истомину в грудь из своего ружья-пулемета. Но сзади прогремели два выстрела, и немец как подкошенный рухнул на землю рядом с броневином, защитившим его от осколков гранаты. Истомин резко обернулся. На земле рядом с забором, привалившись к стогу сена, сидел человек в военной, похожей на его, Истомина, форме, но только без погон. На голове фуражка с красным околышем и синим верхом, в руке наган. «Свои, – сразу понял Истомин, – это он немца из нагана снял. Видимо, раненый немец увидел и в стогу укрылся, а потом мне помог, причем очень вовремя. Считаю, жизнь спас».

– Я сейчас, – крикнул Истомин, – только немцев проверю.

Но все восемь были мертвые. Кого осколками посеколо, кого пулей уложило. Полный порядок. Выстрела в спину можно не опасаться. А вот свои не пострадали, ну, может, некоторое время от взрыва в ушах звенеть будет. Но это мелочь, главное – все живы. Старик уже поднялся, помогая встать старухе и внуку. Истомин подошел к ним.

– Как вы, не зацепило?

– Нет, нет, спасибо вам, сынки. Если бы не вы, всех бы ироды и порешили.

– Ладно-ладно, отблагодарите потом, человеку еще помочь надо. Пойдем, дедушка, в дом его занесем.

Истомин направился к сидящему у стога – судя по наличию фуражки и нагана, офицеру. Он был в сознании и пытался встать.

– Как вы, товарищ командир, не ранены? – первым спросил старик.

«Так, значит, теперь офицера товарищем командиром называют, – отметил про себя Истомин. – Что же, информация важная, запомним».

– Нет-нет, не ранен, – ответил офицер. – Только голова сильно кружится. Помогите встать. И сумку, сумку мою дайте. Вон она там, в сене.

Истомин достал сумку и передал ее офицеру. А потом помог старику довести его до дома и уложить на кровать. По всем признакам у офицера, вернее командира, была контузия, так что пусть пока полежит.

– Пойдем, дедушка, поможете мне двор в порядок привести, – позвал старика Истомин. – А то не дай бог еще раз немцы нагрянут, тогда все...

– Да, конечно, – заторопился старик, – мы их сейчас в соседский погреб скинем, он у них пустой. А ты, – обратился он к жене, – товарищу командиру помоги.

Вдвоем с уборкой справились минут за десять. Трупы убитых немцев были помещены в погреб. Все имеющееся оружие, включая пулеметы с мотоциклов, Истомин собрал и сложил в кузов броневика, где, кроме ящика с патронами, оказался еще легкий пехотный миномет и два ящика мин. Сам броневик и мотоцикл удалось загнать в сарай. Мотоциклы Истомин затаскивал волоком, ездить на них он не умел. А вот в управлении броневиком разобрался почти сразу: оно оказалось несложным, почти как у автомобиля «Руссо-Балт». Закончив с маскировкой, Истомин вернулся в дом. Командиру уже стало лучше, и он, полулежа на кровати, представился:

– Я Иванов Николай Федорович, майор госбезопасности, контрразведка Западного фронта. А вы кто, товарищ, и почему в белогвардейской форме?

– Бубенчиков Алексей Ильич, – Истомин назвал именем своего последнего денщика. – А форма – кино мы тут про Гражданскую войну снимали.

– Документы есть?

– Нет. – Истомин развел руками. – Вместе с одеждой сторели при авианалете.

Он решил отыгрывать версию с кино до конца. Хотя перед ним контрразведчик. Но он сейчас не в лучшем состоянии, чтобы глубоко копать и сопоставлять факты. Кроме того, недавний бой с немцами никак не добавлял Истомину недоверия.

– Да, это, конечно, плохо, – контрразведчик сделал паузу. – Но не так, как могло бы быть. – Как вы, товарищ Бубенчиков, один против восьмерых немцев вышли с пистолетом и гранатой, я сам видел. Это о вас лучше любых документов говорит. В партии состоите?

– Нет, не состою, – быстро ответил Истомин, а сам подумал, что в вопросах политики пока надо быть крайне осторожным. Слишком мало еще в этом вопросе знает.

– Ничего, выберемся к нашим, я лично вам рекомендацию дам. Такие люди, как вы, партии сейчас очень нужны. И ходатайствовать о награждении буду. Кстати, а откуда оружие?

Истомин рассказал о воздушном бое и о своих трофеях, а про наган сказал, что снял с убитого милиционера, охранявшего их на съемках.

– Значит, все-таки сбил я «мессера» тоже, – контрразведчик улыбнулся.

Как оказалось, он летел на том самом зеленом аэроплане – самолете, который атаковали и сбили немецкие истребители «мессеры» – «мессершмитты». Именно этот воздушный бой и видел Истомин в свой первый день пребывания в будущем. Летчик погиб, а майор Иванов получил, как он предполагает, сотрясение мозга или контузию при падении самолета на лес. Но, несмотря на это, смог дойти до деревни. А что произошло дальше – известно.

– Ну как, сынок, лучше тебе? – обратилась старуха к Иванову.

– Да, лучше, спасибо, бабушка. Полежал немного, голова в порядке, почти не кружится.

Иванов встал с кровати, осторожно прошел через всю комнату и, подойдя к столу, сел на лавку.

– Извините, – обратился он к хозяевам, – нам с товарищем наедине поговорить надо. Дело государственной важности.

– Да что ж, мы все понимаем, дело военное, секретное. Пойдем, мать, – кивнул жене старик.

– Итак, Алексей Ильич, – обратился контрразведчик к Истоминому. – Человек вы стоящий, я вас в деле видел. У меня в сумке совершенно секретные документы. Их необходимо доставить в особый отдел любой нашей воинской части, причем как можно скорее. Я их потому лично вез, да вот не долетел. И идти почти не могу. До этой деревни, считай, сутки добирался, а тут всего-то километров пять, не больше.

– И сколько верст может быть до линии фронта? – задал практический вопрос Истомин, прикидывая в уме план действий.

– Ну, если учитывать скорость наступления немцев – до тридцати километров в сутки – и исходить из худшего предположения, что она не изменилась, то... – Иванов на секунду задумался, – думаю, километров пятьдесят-шестьдесят будет. Или около того.

– Если так, то пешком никак не успеть, – резюмировал Истомин, – только ехать. Тут от немцев броневик остался и мотоцикл.

– И я о том же, – контрразведчик кивнул. – На бронетранспортере, может быть, даже и лучше: во-первых, вдвоем, и в случае чего есть шанс, что хоть один да уйдет, а во-вторых, через линию фронта прорываться удобней: немцы вряд ли сразу догадаются, кто внутри. Да, а что в бронетранспортере еще есть, кроме пулемета?

Истомин назвал.

– Что же, неплохой арсенал, особенно миномет, – резюмировал Иванов, – хотя мы им в нашем положении вряд ли сможем воспользоваться. – В общем, все решили, товарищ Бубенчиков, выезжаем через десять минут. Вы за рулем, я в кузове, в случае чего дорогу из пулемета расчищу, на это меня однозначно хватит. А теперь зовите хозяев, их предупредить надо, чтобы уходили немедленно. Немцы наверняка своих искать будут. Заявятся сюда и всех кончат.

– До свидания, сынки, спасибо еще раз за все, счастливой дороги! – крикнул старик, помахав рукой.

– И вам того же, – Истомин помахал в ответ и, запустив мотор, выехал на дорогу.

Глава 7

Мягко покачиваясь на ухабах, бронетранспортер медленно ехал по лесной дороге. Истомин осторожничал. Линия фронта по явно слышимой канонаде была совсем близко, а значит, велик шанс нарваться на передовые части немцев, что очень и очень нежелательно. Бронетранспортер хоть и немецкий, но прорваться на нем к своим через линию фронта будет не так просто. С одной стороны немцы стрелять начнут, когда сообразят, что что-то не так, а с другой свои как следует встретят. Правда, майор Иванов на сей случай план придумал: красный флаг над бронетранспортером поднять. Чтобы понятно было, кто это на самом деле. Да только поверят ли наши? Так что уже лучше бы по-тихому, особенно если учесть наличие у них документов чрезвычайной важности, сумку с которыми Иванов Истомину передал, полагая, что у него больше шансов до своих добраться.

Вот только по-тихому не получилось. Дорога резко ушла вправо и, сделав поворот, Истомин увидел впереди несколько грузовиков с немцами, а чуть дальше – развернутую на опушке леса артиллерийскую батарею и ряды окопов. Это была линия фронта. Немецкая пехота, очевидно, готовилась к атаке наших

позиций, расположенных на другой стороне неширокого, метров пятьсот-семьсот поля, разделявшего два лесных массива. И поэтому на внезапно выехавший из-за поворота бронетранспортер первоначально никто не обратил внимания. Только когда до переднего края осталось не больше сотни метров, дорогу преградил немецкий офицер. «Стой, стой», – донеслось до Истомина на немецком.

– Ходу! – раздался сзади крик Иванова, и почти сразу ударил пулемет.

Истомин нажал на газ, бронетранспортер рванул вперед, сбив с дороги немца. Потом загремели взрывы. «По нам, что ли, из пушек стреляют?» – подумал Истомин, но, глянув в зеркало заднего вида, понял, что это не так. Расстреляв всю пулеметную ленту, майор Иванов закидывал ничего не понимающих немцев гранатами. Бронетранспортер был уже почти на середине нейтральной полосы, когда немцы, вероятно, разобравшись, что к чему, открыли вдогонку ружейный и пулеметный огонь. Помня о замаскированной в лесу артиллерийской батарее, Истомин пустил бронетранспортер змейкой, желая сбить наводчикам прицел. Но немецкие орудия молчали, а с наших позиций последовали только одиночные выстрелы да пару раз ударил пулемет. Потом все смолкло. Видимо, красный флаг, который Иванов поднял над машиной, сработал: наши поняли, что свои из немецкого тыла прорываются...

– Можно сказать, приехали, – обогнув большую воронку, Истомин загнал машину в лес и резко затормозил.

«Хенде хох, сдавайтесь!» – послышались крики. Истомин оглянулся, не меньше десятка солдат, вооруженных винтовками Мосина, прячась за деревьями, держали бронетранспортер на прицеле. «Что делать: выходить с поднятыми руками? – подумал Истомин. – Так мы же у своих».

– Я майор госбезопасности Иванов. Кто командир? – услышал Истомин голос Иванова. «Ну вот и ладно, с майором все в порядке, можно и мне выходить», – решил Истомин и, прихватив сумку с документами, вылез из кабины.

– Командир отделения сержант Чибисов, – отрапортовал средних лет солдат, возвращая Иванову удостоверение. – И попрошу ваши документы, товарищ, – обратился сержант к Истомину, удивленно глядя на него.

– У товарища Бубенчикова нет с собой документов, он вообще гражданский, – вмешался Иванов. – В кино снимался, вот поэтому в белогвардейской форме. Но это сейчас неважно, нам обоим срочно надо в особый отдел.

– Так точно, – согласился сержант, – здесь недалеко, только оружие сдать придется. Извините, товарищ майор, уж так положено.

– Знаю, – буркнул Иванов, отдавая наган. – Идемте.

Вскоре они остановились перед большой полевой палаткой. Иванов шагнул внутрь, а Истомину-Бубенчикову сделал знак подождать.

Спустя минут пятнадцать полог палатки откинулся:

– Бубенчиков, заходи, – пригласил Иванов и махнул рукой часовому.

Истомин вошел в палатку. Внутри было трое: майор Иванов, сержант Чибисов и еще один офицер в полевой форме, но в такой же, как у Иванова, фуражке.

– Я лейтенант государственной безопасности Ильин, – представился офицер. – Товарищ майор мне все рассказал. То, что у вас документов нет, это, конечно, плохо, и в таких случаях полагается проводить полную проверку. Но учитывая все, что произошло, думаю, это излишне. Просто напишите мне, как все было, и пока будет достаточно. После этого, так как ваше желание о немедленной мобилизации в ряды РККА удовлетворено, поступите рядовым в отделение сержанта Чибисова. Вопросы есть?

– Никак нет, – Истомин встал и отдал честь.

Он это сделал раньше, чем подумал. Но этот столь привычный ему жест возымел вдруг неожиданное действие. Все трое так и покатались от смеха. «Что, что я сделал не так? – напряженно думал Истомин, глядя на смеющихся. – Красноармейцы ведь именно так честь отдают, сам видел».

– Форму, форму переодеть надо, – сквозь смех сказал Иванов. – А то какой же вы, товарищ Бубенчиков, красноармеец в обличии белогвардейца?

«Ах вот что их так насмешило! – у Истомина отлегло от сердца. – А то я уже было подумал, что засыпался».

– Ну форму-то мы по такому случаю найдем, – сказал представший смеяться сержант. – Гимнастерку и пилотку – уж точно. А то свои еще чего доброго погонны увидят и за немца примут да

подстрелят. Так что переоденем вас, товарищ Бубенчиков, обязательно.

Через два часа, закончив все формальности в особом отделе и передевшись в форму рядового бойца Красной армии, штабс-ротмистр Истомин в составе отделения сержанта Чибисова занял оборону в первой линии окопов.

Глава 8

– Землячок, табачку не найдется? – обратился к Истомину сосед по окопу. Молодой, примерно его лет боец, закончив набивать патроны в диск похожего на «Льюис» пулемета.

– Найдется, только не наш, трофейный, – ответил Истомин и протянул солдату пачку немецких сигарет.

Сам он не курил, но, обнаружив в кабине бронетранспортера сигареты, решил оставить их себе. Так, на всякий случай, для душевного разговора.

– Ох ты, а откуда такие? – пулеметчик удивленно повертел в руках пачку. – Ты что, в разведку за языком ходил?

– Ну что-то вроде того, – Истомин улыбнулся.

– Постой, постой, – солдат внимательно посмотрел на Истомуна. – Так ты же тот белогвардеец-артист, который вместе с майором на бронетранспортере из немецкого тыла прорвался.

– Он самый, – подтвердил Истомин, – но, как видишь, теперь рядовой Красной армии. Хватит с меня кино, после войны доснимем.

– Да, повезло вам с майором, – покачал головой пулеметчик. – Сквозь немцев прошли, а потом мы по вам стрельбу открыли – и хоть бы что. А вот моего второго номера в первом же бою осколком прямо в сердце. С тех пор уже неделю один воюю. Ну что, давай знакомиться, – предложил боец Истомину. – Я – Вася Лаптев из Ленинграда.

– А я...

Воздух резанул по ушам, Истомин глянул вверх. Из-за леса появились немецкие самолеты, точно такие же, как те, что расстреляли беженцев на дороге.

– Ложись, сейчас бомбить будут! – крикнул Истомину пулеметчик и упал на дно окопа.

Истомин последовал его примеру, только не лег, а присел, укрывшись за бруствером. Ему было интересно, как будут действовать немцы. Ведь под бомбежкой он не был ни разу, а потому как все будет, было неясно. Здесь чисто профессиональный интерес кадрового офицера замешивался с планами на будущее. Еще надевая форму красноармейца, Истомин решил, что надолго в рядовых не задержится. Его военные навыки и трехлетний боевой опыт необходимо как можно скорее использовать на практике. Поскольку в качестве офицера, или, как принято в РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии), командира, он принесет гораздо больше пользы, чем воюя рядовым бойцом. Вот поэтому, прислонившись спиной к стенке окопа, штабс-ротмистр Истомин, а теперь рядовой Красной армии Бубенчиков, стал внимательно наблюдать за действием вражеских бомбардировщиков.

Самолеты сделали круг, набрали высоту, а потом резко спикировали на окопы переднего края. Истомин явственно увидел, как от первого «лаптежника» (именно так потом стали называть немецкие пикирующие бомбардировщики «Юнкерс Ю-87» за убирающиеся в полете шасси) отделились черные точки бомб, а через мгновение от их взрывов задрожала земля. Не успел стихнуть грохот от первых взрывов, как к ним добавились еще и еще. Казалось, вся земля превратилась в гремящий и клокочущий ад, прорезаемый лишь вспышками трасс пулеметных очередей «юнкерсов».

Несмотря на три года, проведенные на войне, Истомину стало не по себе. Ничего подобного он еще не испытывал даже при артобстреле, а когда совсем рядом с окопом взорвалась очередная бомба и сверху обрушился целый водопад земли и камней, Истомин благоразумно поменял сидячее положение на лежачее, от греха подальше закрыв уши руками. Чтобы часом не попасть под шальной осколок и не оглохнуть.

Этого ему не хотелось больше всего. Обидно было бы, перепрыгнув в одночасье с одной войны на другую, да не просто войну, а войну с нелюдьми, погибнуть вот так глупо, никого из этих самых нелюдей не убив. Ну да, конечно, есть у него на личном боевом счете те восемь, которые теперь в деревенском по-

гребе «отдыхают», но уж больно маленький счет выходит: один к восьми. Да и получилось все это слишком уж быстро, вроде и не по-настоящему, что ли. Так думал штабс-ротмистр Истомин, лежа на дне окопа и пережидая уж слишком затянувшуюся, на его взгляд, бомбежку. Хотя в таких ситуациях люди часто теряют ощущение времени. Но всему на свете приходит конец. Кончился и авианалет.

Как только взрывы прекратились, Истомин немедленно поднялся с земли и, поправив каску, выглянул из окопа. Сейчас начнется атака пехоты, подсказывал его боевой опыт. Вот только будет ли кому ее отражать? Этот вопрос невольно возник у него в голове при осмотре своих позиций. Вся земля была перепажана воронками, а соседний лес изрядно поредел, причем настолько, что в прогале между поваленными деревьями был виден их с Ивановым бронетранспортер. Или то, что от него осталось, очевидно, после прямого попадания бомбы. Но, несмотря на всю апокалиптичность вида переднего края, то тут, то там из окопов стали подниматься бойцы, выставляя на бруствер винтовки и трофейные немецкие автоматы. То же самое сделал и Василий, поставив свой пулемет на сошки. Он подмигнул Истомину.

– Ну все, артист, готовься, сейчас полезут.

– Полезут – встретим, – Истомин, криво улыбнувшись, передернул затвор винтовки.

Немецкая пехота не заставила себя долго ждать. Вскоре из-за леса вышла густая цепь автоматчиков и открыла огонь. Немцы шли нагло, в полный рост, беспорядочно стреляя от живота. Пули густо свистели над головой, часто ударяя в бруствер окопа. «А, вот какая у вас тактика, – сообразил Истомин. – Беспорядочная стрельба на дальней дистанции, чтобы головы никто не смог поднять. Что же, вполне себя оправдывает». От обилия летящих в воздухе пуль становилось страшновато. Хотя, если разобраться, немецкий автомат, а с ним Истомин уже успел познакомиться, – оружие слабоватое. Ствол короткий, патрон от парабеллума. Вряд ли из него можно уверенно попасть по цели с дистанции более двухсот метров. Вот в ближнем бою с автоматом, безусловно, винтовку не сравнить. Пока винтовочный затвор передернешь, из тебя автоматчик дуршлаг сделать успеет. А какой отсюда вывод? Да простой: автоматчиков близко подпускать нельзя, их следует бить на дальней дистанции, иначе сомнут.

Ну с пехотой-то понятно, а вот что с танками делать? Их целых два по флангам идут, и пока что своих только из пулеметов прикрывают. Опыта в борьбе с бронетехникой Истомин не имел, но, приняв во внимание, что он здесь не один и те, кто рядом, наверняка знают, что делать, поймав в прицел идущего прямо на него немца, выстрелил. Немец упал. «Ага, есть первый. С почином вас, ваше благородие красноармеец Бубенчиков», – поздравил себя Истомин и, перевернув затвор, взял на прицел очередного оккупанта.

Бой длился уже несколько минут, причем успешно для красноармейцев. Истомин успел расстрелять пару обойм, а его сосед Василий – диск своего пулемета. У немцев появились первые потери, но тут положение резко изменилось. Прикрывавшие немецкую пехоту танки открыли огонь из орудий. Что делать? Истомин оглянулся. Интуиция подсказывала, что танки можно уничтожить либо из пушки, либо гранатами. Но противотанковых орудий в его батальоне, по всей видимости, не было. А гранаты? Гранаты были, сам видел. Стало быть, придется танки гранатами рвать. Но до них не меньше полтысячи метров. Это сколько же они народу положат, прежде чем их броском гранаты можно достать будет?

Сзади ударил трофейный миномет. Посланная им мина взорвалась в гуще немецкой пехоты, выкосив разом не меньше десятка наступавших. И тут же по позиции минометчиков ответил танк с левого фланга. По счастью, выстрел был неточным, танк стрелял с ходу, но расчету досталось. Оба минометчика, посеченные осколками, упали на землю. «Ну все, – мелькнула у Истомина мысль, – если будет еще один выстрел, то миномет накроют и нас вместе с ним». Ящики с минами так рванут, что никому не уберечься. Но второго выстрела не последовало. Очевидно, решив, что миномет уничтожен, танки перенесли огонь на другие цели. И тут Истомин понял, что надо делать. Из миномета – по танкам. Конечно, они в броне, пробьет ее мина или нет – неизвестно, но попробовать стоит.

– Василий, за мной, к миномету! – заорал Истомин.

Менявший как раз в этот момент диск пулеметчик от неожиданности замер, а потом, как загипнотизированный, перевалившись через бруствер окопа, пополз вслед за Истоминым к позиции минометчиков. Миномет оказался цел. «Вот и отлично. Сейчас проверим, насколько он хорош против танков».

– Василий, мину! – снова крикнул Истомин, прильнув к прицелу.

Миномет дрогнул от выстрела, и мина точнехонько легла танку на лобовую броню. Танк замер на месте. Увидев это и поняв, в чем суть, Василий моментально достал из ящика еще три мины и одну за другой отправил в ствол миномета. На этот раз они взорвались за танковой башней, на моторном отделении, как потом позже узнал Истомин. Над танком взметнулся столб пламени, перемешанный с черным дымом.

«Все, с этим кончено, – понял Истомин, – теперь очередь за вторым. Только бы он нас не опередил».

Но время им дали сами немцы. Очевидно, решив, что где-то замаскировано противотанковое орудие, единственный оставшийся танк дал задний ход и начал обстрел леса. Это оказалось для него роковой ошибкой. Истомин, перенацелив миномет, снова открыл огонь, на этот раз менее удачно. В танк удалось попасть только с пятого выстрела, да и то мина лишь разбила гусеницу. Но этого оказалось вполне достаточно. Поняв, что их танк обездвижен и стал мишенью, танкисты, покинув машину, бросились бежать, а за ними, лишившись поддержки брони, дрогнула и стала отступать вся оставшаяся в живых пехота. Бой был выигран. Получив столь серьезный отпор, больше немцы в тот день атак не предпринимали.

– Лаптев, Бубенчиков – к комбату! – передали по цепи приказ.

– К комбату так к комбату, – Истомин закинул на плечо винтовку. – Посмотрим, как здесь мое художество с танками оценят. Вроде получилось неплохо, но все же интересно, что про все это командование думает.

– Рядовой Бубенчиков по вашему приказанию прибыл.

– Рядовой Лаптев по вашему приказанию прибыл.

Истомин и Василий вытянулись по стойке смирно и отдали честь.

– Молодцы, ну молодцы! Лихо оба танка из миномета отделади! – не скрывал своей радости комбат. – Чья идея была?

– Моя, – признался Истомин, поняв, что разговор будет, скорее всего, не очень официальный. – А Василий мне помог, за заряжающего был. Хотя во многом просто повезло.

– Ну это еще как сказать, – возразил комбат. – Везение везением, а вот голову и инициативность никто не отменял. Благодарю за службу.

– Служу Родине и трудовому народу! – отчеканил Василий, отдав честь.

«А, вот что в таких случаях у них надо отвечать», – понял Истомин и повторил произнесенные Василием слова. Со стороны это выглядело как-то странновато: сначала один отвечает, потом другой. Ведь говорить полагалось одновременно. Но довольный результатами боя комбат не обратил на это отставание Истомина никакого внимания.

– Ладно, – сказал он, посерьезнев, – теперь о деле. Сколько мин осталось?

– Четыре, – вздохнул Василий.

– Плохо, – комбат помрачнел. – Если немцы опять танки как прикрытие для пехоты пустят, а они это сделают, гранатами отбиваться придется, а их у нас кот наплакал.

– Товарищ капитан, вместо миномета можно подбитый немецкий танк использовать, – предложил Истомин. – Мы с Василием ему миной только гусеницу перебили, а так он должен быть целый.

Комбат заинтересованно посмотрел на Истомина и вдруг задал не совсем обычный вопрос:

– Бубенчиков, а ты кем до войны был?

«Штабс-ротмистром», – чуть было не ляпнул Истомин, но вовремя спохватился и ответил:

– Рабочим по декорациям.

Этот род деятельности он указал в письменных показаниях, данных в особом отделе, и теперь четко придерживался своей версии.

– А мыслишь как военспец. Если бы по военной линии пошел, мог бы стать хорошим командиром, – отметил комбат. – Можно сказать, ты насчет этого танка мысли мои прочитал. Так что имей в виду: в случае серьезных потерь командного состава назначу тебя на сержантскую должность. А теперь об использовании танка. Поскольку Василий некоторое время пулеметчиком на «Т-34» был, стало быть, опыт в обращении с танками имеет. Поэтому, как стемнеет, проберетесь к танку. Ночи на освоение техники вам, я полагаю, хватит. А утром, как немцы в атаку пойдут, постарайтесь как можно больше их танков набить. Вопросы есть?

– Никак нет, – теперь уже синхронно ответили Истомин и Василий. – Разрешите идти?

– Идите.

– И как ваше впечатление о Бубенчикове? – спросил командира батальона особист Ильин, вошедший в блиндаж сразу после того, как Истомина и Василий отправились исполнять приказание комбата.

– Ничего плохого сказать не могу. Вел себя в бою инициативно, из миномета два танка подбил. Да вы, думаю, уже знаете, товарищ лейтенант. К тому же имеет стратегическое мышление, а поскольку ни в какой военной школе не учился, то это у него явный талант, – закончил характеристику Истомина комбат. – Да, я ему еще сказал, что если дело так пойдет и дальше, то назначу его на сержантскую должность. Или не стоит?

– Ну почему не стоит? Если человек способный, то пусть командует. Но все же торопиться со слишком быстрым его продвижением не надо. Максимум на сержанта, – заключил особист. – А вот когда на него подтверждающие документы придут, тогда пусть хоть до генерала растет, это уже не наша забота будет.

Глава 9

Нижний танковый люк с негромким стуком открылся. Сверху в проеме показалась голова Василия.

– Залезай, – шепнул он Истомину, – все чисто.

– Да, тесновато воюют танкисты, – таким было первое впечатление Истомина, когда он оказался внутри.

– Пушка целая, и снарядов бронебойных полно, так что есть чем завтра немца встретить, – обрадованно заявил Василий, проведя осмотр танка при слабом свете электрического фонаря. – Стало быть, действуем так. Я за стрелка-наводчика буду, а ты – заряжающий. Берешь снаряд, затвор открываешь и в казенник кладешь. Вот смотри, – Василий открыл оружейный затвор и показал Истомину, что надо делать. – Все понял?

– Все.

– Да, вот еще что: если немцы нас подожгут... Это очень даже может случиться, танк ведь к ним задом стоит. Уходим тогда через нижний люк – ты первый, я за тобой. И как можно быстрее.

Иначе сторим. Здесь в баке бензина полно, а как его слить, я не знаю. Вот такая у нас диспозиция. Ну а теперь спать, – предложил Василий. – Я первый дежурю, ты через пять часов. Если что – разбужу. Хотя вряд ли, немцы ночью не воюют.

– Спать так спать, – ответил Истомин и, свернувшись калачиком на дне танка, поворочавшись немного, уснул.

«Интересно, сколько еще немцы спать собираются? Судя по солнцу, уже часов девять, не меньше». Этот вопрос возник у Истомина в очередной раз при взгляде на немецкие позиции через смотровые щели командирской башенки. С того момента, как он сменил Василия, прошло уже часов шесть, и сидеть без дела внутри трофейного танка становилось скучно. Конечно, с одной стороны, то, что все тихо и можно спокойно отдыхать, – это хорошо. Война – вещь утомительная. Но с другой, каждый, кто воевал, прекрасно знает: когда на фронте наступает тишина, это очень плохо. Ну то, что ночью тихо было, так это вполне понятно: спали все. Но сейчас-то утро уже давно, если не день. А немцы все не шевелятся. Почему? Истомин снова прильнул к смотровой щели. Со стороны немцев по-прежнему не было никакого движения.

– Ты почему меня не разбудил? – донесся снизу голос Василия.

– Так тихо все, немцы точно вымерли, – ответил Истомин, вылезая из командирского кресла. – Вот, сам полюбуйся.

Василий поднялся в башню, заглянул в смотровые щели.

– Да, странно, долго сегодня немцы спят. Видать, затеяли что-то, не иначе.

– Тогда, может, позавтракаем? – предложил Истомин. – А то на голодный желудок воевать как-то не очень.

– И то верно, – согласился Василий. – Позавтракать никогда не мешает, особенно нам, потому что кухня сюда не доедет точно.

– А мы без нее неплохо поедим. Вы какой паштет предпочитаете, товарищ Лаптев, гусиный или куриный?

– Паштет откуда? – Василий свесился с командирского кресла.

– От немцев остался, – улыбнулся Истомин и протянул Василию две банки из обнаруженного в танке продуктового запаса.

– Так ты что, немецкий знаешь? – повертев в руках консервы, спросил Василий.

– Да, есть немного, в школе в кружок ходил, – как бы невзначай ответил Истомин и про себя решил, что с языкознанием (а кроме немецкого он знал еще английский, французский, испан-

ский и латынь) надо впредь быть поосторожней, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания.

– Эх, жалко ложки с собой не взяли, – посетовал Василий, слизывая паштет с лезвия финки. – Ну ничего, мы не в столовой, так поедим.

Поесть действительно получилось. Оба успели съесть по три банки паштета, прежде чем послышался приглушенный танковой броней шум авиационных моторов.

– Все, завтрак закончился, – Василий бросил пустую консервную банку на кресло механика-водителя и прильнул к смотровой щели.

– Ну что там? – спросил Истомин, уже зная ответ.

– «Юнкерсы», – глухо произнес Василий. – Сейчас бомбить будут.

Переждать бомбежку, сидя в танке, оказалось куда легче, чем в окопе. Только иногда подрагивала земля да били по броне одиночные осколки, а так ничего, терпимо. Больше всего Истомин опасался, что какая-нибудь шальная бомба случайно упадет возле танка и испортит им всю операцию, повредив орудие или заклинив башню. Но все обошлось. Отбомбившись, самолеты улетели.

Помня о том, что вчера за налетом последовала атака пехоты при поддержке танков, Истомин вытащил из боеукладки бронебойный снаряд и, открыв затвор, вложил его в казенник. К бою готов.

– Пять танков, мы на левом фланге, – сообщил Василий.

Истомин, приподнявшись, глянул в смотровую щель. По полю шла густая цепь пехоты, немного впереди которой двигались пять танков, выстроившись практически в одну линию.

– Хорошо идут, как на параде, – потирая руки, произнес Василий и завращал штурвал поворота башни. Танковая пушка глухо выстрелила, выбросив стреляную гильзу. Истомин зарядил новый снаряд, затем еще и еще. Сначала стреляли бронебойными по танкам, потом осколочными по пехоте, которая в панике металась по полю боя. И действительно, паниковать было от чего. Не каждый день увидишь, как подбитый накануне свой же немецкий танк, казавшийся до этого мертвым и безжизненным, вдруг разворачивает башню и начинает в упор стрелять по тебе! О том, что ночью танк захватили русские и превратили его в дот, пехотинцы

поняли намного раньше, чем танкисты, но это им нисколько не помогло. Когда все пять танков замерли на поле боя, скрывая синее небо под клубами черного дыма, Истомин и Василий начали вести огонь по отступающей пехоте, причем к пушке Истомин добавил еще и спаренный пулемет, истратив на немцев все имевшиеся в запасе патроны. А напоследок, чтобы не пропадали зря снаряды, они обстреляли лес в глубине немецкой обороны, и там сразу возникло несколько очагов пожаров. На этом их утретний бой закончился.

«Эх, хорошо горят, – думал Истомин, наблюдая через открытый боковой люк танковой башни пылающие на поле боя танки. – Жалко, конечно, что не получилось посмотреть все представление от начала до конца, но тут уж, как говорится, хорошего понемножку. Хотя это сейчас не главное. Основной вопрос – что делать дальше? Остаться в танке, чтобы использовать его за неимением снарядов как пулеметный дот, выдвинутый за передний край обороны, или вернуться к своим, а танк сжечь?» Ответ дали сами немцы. Со стороны леса раздался пушечный выстрел, и в корму танка ударил снаряд. Броня зазвенела, как от удара кувалдой. Истомин на мгновение оглох, в глазах потемнело.

– Алексей, уходим, – как бы издали услышал он голос Василия.

– Да, точно, надо уходить. Немцы сейчас танк из пушек вдребезги разнесут.

Он обернулся. Василий уже открыл нижний люк, в воздухе запахло дымом. «Двоим быстро не вылезти», – понял Истомин.

– Я через башню! – крикнул он Василию и, перевалившись через комингс бокового люка, из которого только что наблюдал картину поля боя, сполз по броне на землю и скатился в ближайшую воронку. Через пару секунд из-под танка выполз Василий. Они успели вовремя. Из моторного отделения уже валил густой черный дым.

– Все, конец нашему трофею, – с некоторым сожалением в голосе произнес Василий, наблюдая за тем, как разгорается пожар. – Ну ничего, свое дело он сделал, теперь пусть горит, не жалко.

Из леса снова раздался орудийный выстрел, и снаряд разорвался в десятке метров от танка. В воздухе со свистом пролетели осколки. «Это не бронебойный, – сразу понял Истомин. – Осколочный, нас достать хотят. Ну что ж, пусть попробуют, мы за тан-

ком в мертвой зоне. Да к тому же известно, что два снаряда в одну воронку не попадают».

Правда, немцы очень хотели доказать обратное и как минимум час буквально засыпали их снарядами, видимо, желая во что бы то ни стало уничтожить двух красноармейцев, по вине которых они потеряли пять танков и уйму пехоты.

А потом последовало аж три авианалета. Очевидно, не желая больше тратить на их батальон людей и технику, немецкое командование решило смешать непокорных русских с землей, используя свое полное превосходство в воздухе. В результате Истомин и Василий целый день просидели в воронке и смогли добраться до своих только после захода солнца.

Новости, которые услышал Истомин в расположении части, были малоприятными. Несмотря на два дня успешных боев, потери от авианалетов оказались огромными, да к тому же появился слух о том, что их батальон оказался в окружении. «Да, если дела так пойдут и дальше, – подумал Истомин, устраиваясь на ночь, – то завтрашний бой вполне может стать последним...» «А ведь вы, господин штабс-ротмистр, эти слова уже слышали совсем недавно, – заметил внутренний голос и добавил: – 22 июля 1919 года».

Следующий день действительно оказался последним для всего батальона. Выжить удалось лишь одному Истому.

А случилось это так. С самого утра прилетели «юнкерсы», и началась бомбежка. Потом немцы снова пошли в атаку при поддержке еще пяти танков. По причине полного отсутствия хоть каких-нибудь противотанковых средств, кроме гранат, пришлось подпустить танки практически вплотную. Их удалось подорвать и врукопашную отбить атаку пехоты, но в результате от батальона осталось всего 43 человека. Учитывая, что боеприпасов практически не было, вступивший в командование батальоном сержант Чибисов принял решение: дождавшись ночи, прорываться к своим. Вечером случился еще один авианалет, последний. У Истомина возникло чувство, что немецкие бомбардировщики на каждого из оставшихся в живых бойца припасли по бомбе. В итоге, когда самолеты улетели, Истомин, поднявшись из окопа, понял, что остался совсем один. Кругом лежали одни убитые.

Понимая, что выкопать могилы для всех не сможет, Истомин решил похоронить хотя бы Василия, погибшего еще утром при

неудачной попытке подорвать гранатами танк. Немцев можно было не опасаться. Они ночью не воюют. Не торопясь, прошел Истомин по окопам, собирая в вещмешок оставшиеся продукты и боеприпасы к трофейному немецкому автомату, который он подобрал вместо сломанной в рукопашном бою винтовки. Потом вернулся за телом Василия и, взвалив его на плечи, отнес в лес. Там и принялся рыть саперной лопаткой могилу.

Пока Истомин копал могилу, пришла мысль, что положение его намного хуже, чем он сам думает. Документов-то у него до сих пор нет. И если ему повезло один раз и он смог выдать себя за участника киногруппы Бубенчикова благодаря счастливому стечению обстоятельств, то во второй раз такого уже не случится, и он просто обязан иметь при себе документы. А если?.. Ну да, точно.

Истомин расстегнул карман гимнастерки Василия и извлек оттуда документы. Красноармейская книжка без фотографии, а они примерно одного возраста. Еще что? Заявление о вступлении в партию. Это лишнее. А вот автобиография, интересно. Истомин бегло ее проглядел. В общем-то, что надо: воспитывался в детском доме, не женат, родственников нет. Никто искать не будет. «Ну спасибо тебе, Василий Андреевич Лаптев. – Истомин поклонился могиле. – Теперь я буду воевать под твоим именем за нас двоих. Прощай». И, закинув за спину вещмешок, штабс-ротмистр Истомин, а теперь красноармеец Василий Андреевич Лаптев, углубился в лес.

Отходить далеко от места гибели батальона Истомин не стал. Зачем? Немцы же по ночам не ходят, да и вообще в глушь не суются, предпочитая двигаться по дорогам, что при обилии у них техники вполне объяснимо. Так что ночь в паре километров от бывшей передовой прошла спокойно.

Проснувшись следующим утром, Истомин двинулся к линии фронта. Идти было легко. Карта и компас, которые он забрал у погибшего сержанта Чибисова, хорошо помогали ориентироваться. Только одно беспокоило и слегка смущало: на востоке не было слышно канонады, а это был плохой признак, который мог означать только одно: фронт ушел далеко вперед, и добираться до своих придется долго.

«Но, возможно, это и к лучшему, – после недолгих раздумий решил Истомин. – Можно вернуться к первоначальному плану и

организовать партизанский отряд. А сделать это сейчас будет не в пример легче, чем несколько дней назад, когда он был в этом времени, считай, никем и ничем. «Артистом кино», у которого даже документов нет. Ну и кто, если серьезно разобраться, к такому под начало пойдет? Да никто. Но вот зато теперь дело другое. Рядовой Красной армии, боец-фронтовик. И уже пообтерся среди настоящих красноармейцев. Книга по истории СССР – вещь, конечно, хорошая, но одно дело по книге будущее изучать, а другое – с живыми людьми разговаривать. Соображать, что есть что и кто есть кто. Наша партия – ВКП(б), товарищ Сталин – вождь и учитель, политическая грамотность, сознательность, бдительность и так далее. Одним словом, мелочи и подробности, о которых ни в одной книге не прочитаешь. А поскольку за прошедшее время подозрений по отношению к нему у окружающих не возникло, даже к награде, медали «За отвагу», их с Василием представить собирались за семь подбитых танков, то можно было сделать однозначный вывод: легализация прошла успешно, и он, штабс-ротмистр Истомин Владимир Васильевич, русский офицер и дворянин, стал вполне советским человеком.

Истомин усмехнулся: «Ну надо же: из белогвардейцев в красные, из офицеров в рядовые, из дворян в крестьяне, из девятнадцатого года в сорок первый, с одной войны на другую. Сказал бы кто об этом неделю назад, ни за что бы не поверил, а теперь... А теперь обедать пора, – притормозил полет мысли Истомин. – Самое время, солнце почти в зените, да и вещмешок полный... Стоп, а это еще что такое?»

В воздухе вдруг совершенно неожиданно запахло жареным мясом. Не просто мясом – шашлыком. Да-да, именно шашлыком, а не тем привычным на войне страшным запахом, что исходит от сторевшего человеческого тела. «Так, – Истомин насторожился. – Это кто же здесь обедает? Откуда в прифронтовом лесу шашлык? Может, деревня рядом, и там мясо жарят?» Сверился с картой. До ближайшей деревни километра три. Далековато, если там, конечно, не пустили на шашлык целое стадо слонов. Но он же не в Африке, во всяком случае с утра не был, да и не настолько голодный, чтобы вкусовые галлюцинации появились. Что же, выясним. Шашлык – дело хорошее.

Взяв наизготовку автомат, Истомин направился в ту сторону, откуда доносился запах, и, пройдя метров двести, оказался на

краю лесной поляны. И тут его взгляду открылся самый настоящий пикник. За раскладным столиком в плетеных креслах сидели два немецких офицера, ели жареное мясо, запивая его красным вином, и о чем-то негромко беседовали. Немного в стороне четверо солдат, очевидно повара и официанты, стоя у мангала, колдовали над новой порцией шашлыка.

Истомина затрясло от бешенства. «Ну надо же, какая наглость! Будто у себя дома, пикник устроили. Совсем страху нет. Даже оружие побросали». И это действительно было верхом беспечности. Расслабившиеся немцы поставили свои винтовки в козлы рядом с двумя легковыми автомобилями, припаркованными у противоположного конца поляны. «Что же, тем хуже для них, – решил Истомин. – Сейчас я вам устрою пир во время чумы. Солдат сразу в расход, а с офицерами сначала поговорить надо. Что да когда, и как дошли до жизни такой».

Встав во весь рост, Истомин вышел на поляну и дал очередь по стоящим плотной группой солдатам. Те, не издав ни звука, распластались по земле. Еще мгновение, и ствол его автомата устался на оцепеневших от неожиданности шашлыкеедов.

– Прошу извинить меня, господа, за прерванный обед, – произнес Истомин по-немецки, – но не будете ли вы так любезны исполнить мою маленькую просьбу – отдать мне по-хорошему ваше личное оружие во избежание неприятностей?

Офицеры несколько секунд хлопали глазами, а потом тот, что помоложе, схватился за кобуру. «Ну это ты зря, – подумал Истомин, – мог бы еще немного пожить». И, дав короткую, в два-три патрона очередь, отправил офицера вслед за его подчиненными.

– Ты следующий или как? – обратился он к единственному оставшемуся в живых немцу.

Но вдруг услышал такое, чего не ожидал никак.

– Не надо, солдат, не стреляй, – вдруг ответил немец по-русски. – Возьми мой пистолет, мне с тобой поговорить нужно.

«Так, интересно, – Истомин внимательно оглядел немца. – На вид лет под пятьдесят, судя по выправке, кадровый офицер и русский знает, как свой родной. Не иначе разведчик или переводчик, но в любом случае жирный гусь попался. Сам поговорить хочет. Отлично, этого-то мне и надо».

– Хорошо. Ремень с кобурой на землю и вперед, – Истомин указал на лес стволом автомата.

Немец снял ремень и направился в указанном направлении. Истомин последовал за ним, прихватив по пути, кроме трофейного пистолета, еще и пару шампуров с шашлыком. Чего добру пропадать, тем более ничего подобного он не ел уже лет пять. Так они и шли. Впереди – пленный неизвестного вида, а за ним в паре метров – Истомин с автоматом наперевес, жуя на ходу трофейный шашлык. Спустя полчаса Истомин решил, что хватит: теперь погони можно не опасаться, тем более что шли они на запад, а если их будут искать, то, скорее всего, на востоке, что вполне обоснованно. Ведь если разгром пикника устроила, как могли бы подумать немцы, группа советских солдат, выходящих из окружения, то она должна была непременно двинуться на восток, к линии фронта, но никак не на запад... Словом, пора допрашивать пленного.

– Стоять. Вот здесь и говорить будем, – Истомин показал пленному на пенек, а сам опустил на ствол упавшего дерева напротив.

– Здесь так здесь, – вздохнула немец присаживаясь. Пару секунд он молчал, очевидно, собираясь с мыслями, а потом произнес: – Я русский, но не предатель. Моя фамилия Мерзяев, зовут Иван Иванович. Я офицер русской армии, из эмигрантов. Участвовал в Гражданской войне на стороне белых, а после победы Советов был вынужден бежать в Германию. 22 июня этого года Гитлер начал войну за уничтожение большевизма в России. Не против России, а против большевиков. Пойми, солдат, именно против них! Ты, я вижу, человек образованный, немецкий знаешь, видимо, из интеллигенции или, может быть, даже из дворян.

– Из них, – кивнул Истомин, – из дворян.

– Тем более, – оживился Мерзяев, – раз так, то ты не можешь не видеть и не понимать, что такое для нашей Родины советская власть. Так вот, я...

«Мерзяев, Мерзяев Иван Иванович, – вертелось в голове у Истомина. – Да, точно! Неужели он? Ну, если лет двадцать накинуть, то похож». Был в их сводном офицерском полку поручик Иван Мерзяев.

– В девятнадцатом у Каппеля служил? – прервал своим вопросом Истомин словоизлияния репатрианта в гитлеровской форме.

– Да, служил, а что? – удивился Мерзяев.

– Штабс-ротмистра Истомина Владимира Васильевича помнишь?

– Ну вроде был такой... Господи, да это же!..

– Он самый, – подтвердил Истомин. – Да, это я и есть, господин поручик. А то, что не постарел за эти двадцать два года, так в жизни бывает иногда и не такое. И на то, что в звании рядового сейчас, не смотри. Не думай, меня никто не разжаловал. Просто война уж очень внезапно началась, а у меня при себе соответствующих документов не оказалось, вот рядовым и записали пока. Но не обо мне речь. Ты-то как немецким офицером стал? Ты вот это-то мне объясни.

Мерзяев молчал минут пять, очевидно, переваривая услышанное, потом процедил сквозь зубы:

– А ты теперь, значит, за красных воюешь, иуда? И еще после этого смеешь меня спрашивать, как я немецким офицером стал? Ты же дворянин, а потому иуда вдвойне. Или забыл, как нам Англия и Америка с красными воевать в Гражданскую помогали? Вот так же Германия сейчас помогает, потому я офицером вермахта и стал.

– Ну, про иуду это ты зря, – Истомин глянул Мерзяеву прямо в глаза. – Если уж кто из нас иуда, так это только ты, и никто другой. Я-то за Родину свою воюю, именно за Родину, а не за советскую власть. А что касается помощи белому движению в Гражданскую англичан и американцев – да, было такое дело. Вот только мы их форму не носили и не как солдаты их армий в бой с красными шли. Чувствуешь разницу?

– Так значит, ты за Деникина?

– То есть? Что значит за Деникина? – не понял Истомин.

– Антон Иванович, как война началась, воззвание ко всей русской эмиграции сделал, – растолковал Мерзяев. – Что раз Гитлер на Россию напал, то мы все должны, дескать, на ее защиту встать.

– Да, я, конечно, за Деникина, – кивнул Истомин. – И мне очень приятно слышать, что генерал Деникин иудой не стал.

– Значит, ты меня убьешь? – упавшим голосом спросил Мерзяев.

– Нет, казнь как предателя. Или... – Истомин, сделав паузу, положил руку на кобуру с трофейным парабеллумом. – Можешь сам застрелиться, ты же офицер.

– Хорошо, – согласился Мерзяев. – Лучше уж я сам.

Истомин протянул бывшему русскому офицеру пистолет с одним патроном и тут же нащупал пальцем спусковой крючок

своего автомата. Мало ли что взбредет в голову человеку, который пришел «освободить» родину вместе с оккупантами.

Но Мерзяев только затравленно посмотрел на Истомина и приложил дуло к виску. Раздался короткий сухой треск выстрела...

«Да, непростая ситуация. – Истомин поднял с земли парабеллум. – И вроде бы правильно все, враг он, однозначно враг, раз с немцами пришел, и иуда вполне. Ну не слепой же он был, в конце-то концов, чтобы не видеть, что такое теперешние немцы есть, чтобы их с интервентами путать. Но, с другой стороны, вроде... Хотя нет, с какой стороны ни заходи, все равно получается, что не тех Мерзяев союзников себе выбрал, чтобы с советской властью счеты сводить, ой не тех. Злоба на большевиков разум ему затмила, не иначе. А злоба – она ведь такая вещь, напроць ум вышибить может...»

«Вот как у вас, ваше благородие, например, – вмешался в ход мыслей Истомина внутренний голос. – Встали тут посреди леса и дискуссии сами с собой развели. Как да если бы, так, да не так – ну прямо комиссар на политчаше. Только тот у своих в окопах политику толкает, а вы, господин штабс-ротмистр, у немцев под боком. Ну и кто же вы после этого?»

«Ведь точно, – спохватился Истомин, – тут же до той поляны с пикником и пары километров не будет, а если немцы серьезные поиски начнут?.. А я тут стою и о политике рассусоливаю. Да и вообще глупая это изначально идея была немцам допрос устроить. Ну чего они, в сущности, такого важного могли знать? Положил бы их всех разом, шашлык в зубы – и ходу. Так нет же, вообразил себя мстителем всея Руси! Даже бордо не попробовал, а оно наверняка марочное было. Ладно, все, в дорогу», – и, сунув в вещмешок кобуру с парабеллумом, Истомин быстрым шагом углубился в лес.

Шел долго, с максимальной осторожностью, часто делая петли, чтобы сбить со следа возможную погоню, и только отойдя километров на десять, решил сделать привал. Но не тут-то было. Сзади, со стороны грунтовой дороги, которую он только что пересек, послышался шум двух мотоциклетных моторов, а потом ударила пулеметная очередь. Влип! Мгновенно упав на землю, Истомин взял на прицел мотоциклистов, но тут же понял, что стрельба ведется не по его душу. Его немцы из-за де-

ревьев не видели вообще, к тому же у них было занятие поинтересней, чем искать в придорожных зарослях одинокого бойца Красной армии.

Немцы охотились на человека. Именно охотились, по-другому не назовешь. Человек бежал от них к лесу, а они гнались за ним на мотоциклах, периодически постреливая из установленных в люльках пулеметов под ноги бегущему. Все равно что гончие травят зайца. Такая немецкая охота в русском лесу. Истомин усмехнулся. Ладно, шестеро уже свой пашлык съели, теперь очередь за охотниками.

Человек бежал как раз в сторону Истомина. То, что надо. «Ну, ближе, ближе. Ох ты, да он инвалид, и в возрасте, уже лет пятьдесят, не меньше». И действительно, правой руки ниже локтя у человека не было, а в левой он тащил кожаный мешок. «Да брось ты его, дурень, не добежишь ведь! Что там, золото, что ли?» – думал Истомин, беря мотоциклистов на прицел.

Все! Человек без сил рухнул на землю в каких-нибудь пятнадцати-двадцати метрах от Истомина. Немецкие мотоциклисты резко затормозили рядом. «Ваш выход, господин штабс-ротмистр», – Истомин срезал всех шестерых одной очередью, а потом, выйдя из зарослей и на ходу сменив магазин автомата, добавил для верности. Так, с этими порядок, а как там «заяц»? «Заяц» лежал на земле и тяжело дышал.

– Выпейте воды, – Истомин протянул ему открытую флягу. – Идти сможете? – спросил он, после того как спасенный им человек напился.

– Да, – закивал тот, – могу. Спасибо вам, товарищ, только мешок мой возьмите. Там... – он никак не мог отдышаться, – государственные ценности.

– Ладно, – Истомин поднял мешок.

Ну ничего себе! Да в нем полпуда веса, не меньше. Госценности, значит? Точно золото или что-то в этом роде. Но как же он такую тяжесть в одной руке тащил? На мешке даже лямок нет.

– Я сейчас, – Истомин подошел к одному из мотоциклов, открыл багажник, достал немецкий пехотный ранец и, выбросив все содержимое, сунул туда мешок. Так-то лучше. Полпуда на спине – не то что в руке. Тем более когда она у тебя одна.

– А теперь пойдете скорее... Как вас величать?

– Федор Иванович.

– А я Василий Андреевич. Пойдемте, Федор Иванович, пока камерады этих травивших вас «охотников» не появились, – сказал Истомин и двинулся в чащу, увлекая за собой хранителя госценностей.

Часа два они петляли по лесу, пересекли болотце, старались не обходить мочажины, а последние полчаса и вовсе двигались по ручью. Наконец спутник Истомина, пошатнувшись, схватился за ствол дерева:

– Простите, не могу больше, давайте хоть пять минут отдохнем.

– Не пять минут, а до утра, и не меньше, – Истомин огляделся. – Здесь ночевать будем. Мы по воде шли, так что немцы нас даже с собаками не найдут. Да и вечер уже, потому привал.

Некоторое время оба лежали молча. Потом Истомин вынул из вещмешка трофейный паштет. Обед и ужин сразу – что же, давно пора, от голода уже подводило живот. Пеший переход для кавалериста – все же дело трудноватое. На продуктах решили не экономить, так как вдали стала отчетливо слышна канонада, следовательно, до фронта один день перехода или около того. Ну а в случае чего у немцев можно подхарчиться, если повезет конечно.

– Ну что же, – начал новый знакомый, когда они покончили с едой. – Разрешите представиться еще раз: Рублёв Федор Иванович, кассир Госбанка. Как вы уже, думаю, догадались, в мешке...

– Золото? – Истомин улыбнулся.

– Да, восемь килограммов драгметалла в слитках. И деньги еще – пятьдесят серебряных рублей екатерининской чеканки, но это мелочь. Главное – вы, Василий Андреевич, золото от немцев спасли. Как только до наших доберемся, я буду ходатайствовать о награждении вас орденом. Это же настоящий подвиг. Ведь здесь, – Рублёв хлопнул по ранцу, – десятки танков, сотни орудий, тысячи снарядов, гранат и патронов. Огромный вклад в фонд обороны.

– Ну, насчет моего подвига вы, Федор Иванович, несколько преувеличиваете, – возразил Истомин. – Уж кто-кто, а подвиг совершили именно вы. А я так, на подхвате был. Оказался в нужное время в нужном месте, и не более того.

– Может быть, может быть, – согласился Рублёв, – но вы награды вполне достойны, так что уж не скромничайте.

– Ладно, – улыбнулся Истомин, – не буду. Вот только одно мне непонятно. Как так случилось, что вы в одиночку такие цен-

ности переправляли? Их же ведь, наверное, с охраной перевозить должны.

– Должны-то должны, – вздохнул Рублёв, – да вот только тут такая история получилась. В общем, это клад.

– Как клад? – не понял Истомин. – Его что, перед войной наши?

– Нет, – мотнул головой Рублёв, – в войну, причем благодаря немцам. Они в наш филиал, а он у нас в старинном купеческом доме был, во время очередного артобстрела снарядами попали. Часть стены-то и рухнула, а оттуда слитки посыпались. Трое нас было: я, охранник и шофер. Так мы это все в мешок, сами в «эмку» – и ходу. Да только далеко уехать не получилось. «Мессер» нас расстрелял. Я один живой остался. Вот и пошел с золотом к линии фронта. А тут немцы, а тут вы, Василий Андреевич. Так что спасибо вам еще раз – если б не вы, мне бы конец. Ну не врыкопашную же мне против немцев с одной-то рукой идти? Так бы и угодил к ним в лапы. Я же с ними еще в империалистическую воевал, с самого четырнадцатого года. Так что у нас в этом вопросе взаимные любовь и уважение, так сказать.

– Руку там потеряли? – поинтересовался Истомин.

– Нет, на Гражданской, – снова вздохнул Рублёв. – Летом двенадцатого, на Урале. Мы тогда беляков генерала Каппеля добивали. Вот тогда-то мне руку и посекали. 20 июля, аккурат в мой день рождения. Сшиблись мы тогда с белыми, наскочил на меня офицер один, как молнией шашкой махнул – и нет руки. Сразу видно, рубака был изрядный. Хорошо, что хоть клинок у него сломался, а то бы располовинил меня вторым ударом до седла, не иначе.

«20 июля 1919 года, бой на Урале, – Истомина передернуло. – Да что сегодня – день приятных встреч? Ведь это же тот самый командир красного отряда, с которым они меньше недели назад рубились. В том предпоследнем бою, где он, штабс-ротмистр Истомин, шашку сломал, своим коронным ударом руку красному отрубив, и вот теперь этого же самого красного, только уже в другом времени, от немцев спас. Вместе с золотом. А перед тем своего бывшего однополчанина, что к немцам служить ушел, казнил. Вот дела. Это как же выходит?..»

– Что с вами, Василий Андреевич? – с тревогой в голосе спросил Рублёв. – Вам плохо? Вы вдруг сразу так побледнели.

– Да нет, все нормально, – мотнул головой Истомин. – Просто представил, каково это – в день рождения такой подарок получить.

– Согласен, опять вздохнул Рублёв, – но могло быть и хуже, так что все не так уж и плохо получилось. Гражданскую пережил, на счетовода выучился, семью завел, дочку вырастил, внучка недавно родилась, должность хорошая. И чего бы не жить? А тут война! Хорошо, что хоть семейство в конце мая по случаю к родственникам на Урал погостить отправил. Повезло. Эх, если б не рука, сейчас бы уже в ополчении воевал...

– Ну ничего, Федор Иванович, не расстраивайтесь, вы и так для фронта большое дело сделали, – подбодрил Рублёва Истомин. – На то золото, что у вас в ранце лежит, не одного немца подстрелят... Между прочим, не исключено, что и вам самому еще пострелять придется, когда линию фронта переходить будем. Вот, возьмите, – с этими словами Истомин передал Рублёву парабеллум. Как-никак, а напарника надо вооружить, мало ли что.

– За пистолет, Василий Андреевич, спасибо – поблагодарил Истомин Рублёв. – Теперь я, считай, полноценный боец, хоть и два десятка лет не стрелял. Но по этим... уж точно не промахнусь. Так что вы ложитесь отдыхать, а я на часах буду.

Утром снова двинулись к линии фронта, и тут случилось одно происшествие из разряда тех, что время от времени бывают на войне. Не успели Истомин и Рублёв отойти и километра от места ночлега, как услышали впереди немецкую речь.

– Немцы! Вот теперь действительно влипли, у нас же золото. Ну ничего, спрячемся, может, не заметят, – решил Истомин. – А если нет, я буду отвлекать, а вы, Федор Иванович, попробуйте уйти.

Укрылись в зарослях папоротника, приготовили оружие и стали ждать. Спустя несколько минут между деревьями показались два немца, одетые в летные комбинезоны. Весело переговариваясь, они шли напрямик в направлении того места, где скрывались Истомин и Рублёв. «Так, летчики – не иначе со сбитого самолета, – догадался Истомин. – Эх, пристрелить бы обоих, да шуметь неохота, может, они здесь не одни. А нам сейчас шуметь никак нельзя. Ладно, пусть живут пока».

Но пошуметь все-таки пришлось, причем исключительно по вине самих немцев. А все потому, что один из них невнимательно

смотрел под ноги или вообще не смотрел, а зря. Здесь же лес, а не автобан. Короче говоря, зацепился ас люфтваффе за торчащий из земли корень и споткнулся. Второй повернулся к упавшему товарищу и тут увидел в кустах Рублёва. Если бы не приметная гражданская одежда, может быть, и не обратил бы внимания, а так сразу заметил, что в кустах человек прячется. Схватился немец за кобуру, да поздно. Ее ведь еще расстегнуть надо. А у Рублёва парабеллум уже наготове был, вот он и всадил немцу пулю аккуратно между глаз, и тут же второму, что с земли подниматься начал, две пули в бок. Не прошло и секунды, как оба немца распластались на земле без признаков жизни. Истомин повел было стволом автомата, но нет – оба готовы, добивать не надо.

– Ну что же, поздравляю вас, Федор Иванович, считайте, что вы в ополчении, – Истомин улыбнулся. – Двое – это, конечно, немало, но на войне не каждому и одного врага уничтожить удается. Некоторые еще до начала боя под бомбами гибнут.

– Спасибо, Василий Андреевич, – Рублёв тоже улыбнулся. – А теперь, думаю, побыстрее уходить надо, вдруг они здесь были не одни.

– Согласен, – кивнул Истомин. – Берем их документы и уходим, нам здесь больше делать нечего.

И все же им пришлось на некоторое время задержаться. На их пути оказалась неширокая, но длинная лесная просека, на которой стоял, зияя многочисленными пробоинами в крыльях и фюзеляже, «лаптежник». Фонари кабины пилота и воздушного стрелка были открыты, кругом никого.

«Все ясно, – сразу понял Истомин, – это тех немцев «юнкерс». Они не с парашютами прыгали, а вынужденную посадку вчера вечером сделали. В лесу переночевали, а утром к своим за помощью направились. Чтобы технику, значит, починить. Ну все, теперь не выйдет. Больше этому «юнкерсу» бомб на людей не бросать. А хорошо, в общем-то, его наши зенитки или истребители потрепали, – подумал Истомин, осматривая полученные вражеским самолетом повреждения. – Но, видно, недостаточно. Ничего, мы добавим».

Не имея взрывчатки и бикфордова шнура, Истомин и Рублёв решили уничтожить пикирующий бомбардировщик старым, как мир, способом, а именно – сжечь. Быстро насобирав сухих веток и используя для растопки один из парашютов, они сложили в

кабине «юнкерса» довольно большой костер, после чего Истомин для верности добавил еще и лимонку, а Рублёв, щелкнув зажигалкой, поджег импровизированную огневую мину. Они отошли подальше и залегли за деревьями.

Пламя быстро разгоралось, потом от его жара сдетонировала лимонка, и почти тут же взорвался топливный бак, превратив «лаптежник» в пылающий факел.

– Вот теперь точно не починят, – констатировал Истомин, поднимаясь с земли. – Все, Федор Иванович, уходим.

В небе вспыхнула очередная ракета, мертвенно бледным светом озарив нейтралку. Истомин вжался в землю: только бы сейчас не достали, до своих траншей – всего ничего. Где-то справа коротко простучал немецкий пулемет. Ракета погасла. Все, вперед, последний бросок остался – и, считай, дома.

– Стой, кто идет? – послышался в тишине шепот, и почти синхронно клацнули два затвора.

– Свои, окруженцы. Не стреляйте, – тоже шепотом ответил Истомин.

– Ползите сюда, – раздался тихий голос из темноты. – И не дурить, стреляю без предупреждения.

Вот и передний край. Истомин и Рублёв, перевалившись через бруствер, скатились на дно окопа. В небе вновь вспыхнула ракета, и в ее мерцающем свете Истомин увидел трех бойцов с трофейными немецкими автоматами, держащими их на прицеле.

– Оружие, – потребовал боец с петлицами сержанта.

– Вот, возьмите, – Истомин отдал автомат и штык-нож, а Рублёв – парабеллум и лимонку.

– Тимофеев, отведи их на КП, – отдал приказ сержант стоящему рядом автоматчику. – Там как раз особист, он разберется, что это за окруженцы такие в цивильном.

Шли долго, петляя по ходам сообщений, пока, наконец, не оказались перед входом в землянку, где, очевидно, и располагался командный пункт. Часовой приподнял кусок брезента, заменявшего входную дверь, и они вошли внутрь. «Ох ты, как интересно, не иначе разведка только что языка доставила», – сделал вывод Истомин, оглядев землянку. Внутри, кроме четверых наших, двое из которых были офицеры – пехотный капитан и, судя по синему верху фуражки, лейтенант госбезопасности, – находился еще и немец.

– В чем дело? – капитан окатил незваных гостей ледяным взглядом. – Я же приказал никого сюда не пускать.

– Товарищ капитан, эти двое от немцев через линию фронта приползли, говорят, что окруженцы, а один из них в гражданском и это... без руки. Мне сержант велел их к вам доставить, – виноватым голосом произнес сопровождавший Истомина и Рублёва боец.

– Так я же... – капитан, снова открыл рот, но Рублёв не дал ему договорить:

– Товарищ капитан, я кассир Госбанка Федор Иванович Рублёв, у меня в ранце находятся государственные ценности. Восемь килограммов золота в слитках. Их необходимо немедленно под охраной отправить в тыл.

С этими словами Рублёв движением фокусника снял ранец со спины и, открыв застёжки, вывалил его содержимое на стоявший в углу землянки стол.

«Эх, жалко художника Репина тут нет, такой материал пропадает, – подумал Истомин, наблюдая за реакцией присутствующих. – Он бы еще одну картину «Не ждали» написал, только под более современным названием – «Не ожидали».

Глаза у всех находящихся в землянке от увиденного не то что на лоб, на затылок полезли. Даже немец, и тот от удивления рот разинул.

– Ух ты, это же золото! – первым нарушил молчание молодой, лет восемнадцати, боец в толстых очках, очевидно, переводчик.

– Совершенно верно, молодой человек, золото. Ровно восемь килограммов драгметалла в слитках, – абсолютно спокойным тоном подтвердил Рублёв.

– А оно настоящее? – то ли утвердительно, то ли вопросительно произнес капитан.

– Ну разумеется, – Рублёв улыбнулся. – Вот клеймо Государственного банка Российской империи, 999-я проба, все как положено.

– Так, хватит, хватит, – замахал руками наконец пришедший в себя особист. – Объясните нормально, кто вы и откуда.

Объяснение не заняло много времени, и уже через какие-нибудь четверть часа Истомин с Рублёвым в сопровождении особиста и под охраной четырех бойцов двинулись в тыл, в распо-

ложение штаба дивизии. Дорога заняла остаток ночи, так что на место прибыли уже в предрассветных сумерках, и штаб загудел, как растревоженный улей. Ну еще бы, ситуация-то крайне необычная. Вот если бы наступление готовить, боем руководить или отступить, тут все ясно и понятно, каждый знает, что делать. А так... Они же не инкассаторы.

Но мало-помалу все утряслось. Охрану усилили, даже броневик откуда-то подогнали. Потом особист вернулся. Довольный, как кот, наевшийся хозяйской сметаны. Причем даже скрыть этого не пытался, а может, не получалось. Допрашивал Истомина и Рублёва по отдельности, тщательно по несколько раз обстоятельства их странствий по немецким тылам выясняя. Но по всему было видно, это Истомин заметил сразу, ну не верит внутренне особист, что со шпионами дело имеет. Несмотря на всю шпиономанию того исторического периода. Не верит, и все. И был на то у особиста аргумент железный, вернее золотой, в виде восьми килограммов драгметалла в слитках. Ну какой, спрашивается, шпион к противнику через линию фронта с полупудом золота пойдет? Да никакой. А если и пойдет, то, как говорится, милости просим. Наш дом – ваш дом.

После допроса Истомина и Рублёва отвели в один из домов, занимаемых ротой охраны, где после плотного завтрака они, наконец-то, смогли полноценно отдохнуть.

– Эх, хорошо выспался, – Истомин сладко потянулся. – Ничто так не приводит в норму человека, как полноценный сон. Ладно, хорошего понемножку, посмотрим, что в мире делается.

На скамейке возле дома его поджидал Рублёв.

– Добрый вечер, Василий Андреевич. Как спали? – поприветствовал он Истомина.

– Спасибо, Федор Иванович, хорошо. Давно так не отдыхал. Все у чужих да по лесам, там-то как следует не поспишь. Так, вполглаза и вполдуха, на голой земле. Разве ж это сон? Так что спасибо командованию за заботу. А груз-то наш уже, похоже, в тыл отправили.

Этот вывод Истомин сделал, не увидев броневика и усиленной охраны возле штаба дивизии.

– Отправили, Василий Андреевич, давно отправили, – с явным облегчением в голосе произнес Рублёв. – Самолетом. Бомбардировщик «Пе-2» еще в обед неподалеку отсюда, за дерев-

ней приземлился. Золото в него загрузили, и в сопровождении истребителей полетел он в тыл. Так что золото сейчас уже в Москве должно быть. Но это, как говорится, уже не наша забота. Мы свое дело сделали. Да, кстати, товарищ Лаптев, вас в политотдел зайти просили. Комиссар так и сказал: как только товарищ Лаптев проснется, пусть сразу же в политотдел зайдет с заявлением о вступлении сразу в члены партии. Без кандидатского стажа! Примем сей же день. Я вам свою рекомендацию дал. Ну что, пойдете?

– Пойдемте, – согласился Истомин, а сам подумал: «Оригинальная с ним все-таки история произошла и продолжает происходить. Мало того, что во времени перепрыгнул и красноармейцем стал, так вот теперь еще и в большевики запишут. Его, белогвардейца, офицера и дворянина! Вот как».

Но, с другой стороны, во-первых, под чужим именем, а во-вторых, хоть бы и под своим. Его дворянства от членства в ВКП(б) сильно не убудет. Присягу он давал государю императору, а стало быть, Родине. И данной им присяге верен остался. Ну а что до политики, так с ней после войны разбираться будем. Сейчас немцев бить надо. И если для этого в партию большевиков вступить придется, то что же, пусть так. В конце концов, он не просился, сами предложили. Будем считать, что это в какой-то мере награда за то, что они с Рублёвым сделали.

Но, как оказалось, прием в партию был не единственной наградой, которая причиталась штабс-ротмистру Истомину. Учитывая все произошедшее, его представили к ордену Красной Звезды и повысили в звании до ефрейтора.

«Так, а вот это уже куда приятнее, чем партбилет, – констатировал Истомин. – Можно считать, что военная карьера в Красной армии началась».

Рублёв убыл в тыл тем же вечером, а Истомина на следующее утро зачислили в состав маршевой роты. Так он снова оказался на передовой.

Глава 10

«Нет, повезло все-таки мне с оружием, – Истомин после чистки спустил для проверки вхолостую курок винтовки СВТ-40. – Самозарядная, десять патронов в магазине, отдача за счет дульного тормоза компенсатора меньше, да и полегче мосинки будет. Знай только чисть вовремя и вообще в порядке держи, и все будет как надо: четко и надежно. Спасибо комиссару за подарок. Считай, тоже наградное оружие, сразу после принятия в члены партии вместе с партийным билетом вручили».

– Пехота – на танки! Приготовиться к атаке! – раздалась команда.

«Так, началось. В атаку так в атаку, – подумал Истомин, занимая место за башней танка «КВ-1», – сейчас немцев утюжить будем. Теперь, слава богу, и у нас танки имеются, аж целых одиннадцать штук. Причем добрая половина из них – новейшей конструкции. Три «Т-34», три «КВ-1» ну и еще пять «БТ». Эти, правда, немного устаревшие, но тоже сила». «Клим Ворошилов» взревел дизелем и, набирая скорость, рванулся в сторону немецких позиций.

«Так, а что это я тут разъехался? – вдруг спохватился Истомин. – Это же танк, а не трамвай. Шлепнут немцы снарядом по броне – и поминай как звали тех, кто снаружи был. Все, покатались и будет». Истомин спрыгнул с танка и побежал рядом, прячась за его бронированной тушей. Как раз вовремя. Почти сразу по башне один за другим ударили два бронебойных снаряда, выбив огромные снопы искр. Броня устояла, чего нельзя было сказать о пехотинцах, оставшихся на танке. Двое погибли сразу, еще один получил контузию. Танк резко затормозил и грозно завращал башней, очевидно, выискивая обстрелявшую его противотанковую пушку.

«Так, что там? – Истомин выглянул из-за танковой кормы. – Ух ты!»

Из леса со стороны немецких позиций широкой цепью выползали один, два, три... пять, семь, девять... одиннадцать, пятнадцать... Семнадцать немецких танков! «Ну, сейчас будет мясорубка, ох, будет, – помотал головой Истомин».

Немцы открыли огонь, с ходу пытаясь отсечь пехоту от танков. Но не тут-то было. Пехота, конечно, залегла, но вот танки устрои-

ли немцам настоящую баню. Особенно «Т-34» и «КВ». Не прошло и пяти минут, как восемь из семнадцати немецких машин горели, испуская клубы черного бензинового дыма. Но победа далась нашим танкистам дорогой ценой. Немцам удалось уничтожить четыре «БТ» из пяти, потом вспыхнула, пораженная в лобовую броню, «тридцатьчетверка». Счет почти сравнялся. Новый залп с нашей стороны, и еще три немецких танка окутались черным дымом, а у одного снесло башню.

– Ну что, получили? Продолжаем атаку, – Истомин снова выглянул из-за танка.

Самое время. Немцы уползают в лес, можно наступать. Как бы не так! Раздался нарастающий гул, и через несколько мгновений все поле боя содрогнулось от взрывов гаубичных снарядов. Да чтоб вас... Истомин скатился в воронку. О продолжении атаки не могло быть и речи. Наши танки дали задний ход, пытаясь уйти из-под обстрела. Танк Истомина тоже попятился, но вдруг крутнулся на месте и замер. Грохнул очередной взрыв, причем очень близко. Ударило так, что потемнело в глазах, и Истомин на некоторое время потерял сознание. Очнулся он от того, что его тряс за плечи танкист.

– Пехота, ты живой?

– Живой, – Истомин помотал головой: вроде все в порядке. – А у вас что?

– У нас? У нас гусеницу перебило и башню заклинило. Сейчас обстрел кончится, попробуем починиться – и к своим. Не оставлять же немцам машину. Наши-то на исходную отошли.

Еще несколько взрывов, и артобстрел прекратился.

Истомин выглянул из воронки. «Наши отступили, до немецких позиций метров триста-четыреста, а у нас танк без хода и с заклинившей башней, причем мы в низине и с нашей стороны не видны. Весело. Как пить дать, немцы танк захватить попытаются».

– лейтенант, – обратился он к танкисту, заметив под растянутым воротником комбинезона лейтенантские петлицы. – Пулемет с танка снять можно. Чует мое сердце, сейчас к нам немцы штурмовую группу двинут.

– Согласен, двинут, – кивнул командир танка. – Еремеев, снимай курсовой пулемет, в случае чего будешь немцев от танка отсекаешь, – приказал он лежащему рядом радисту-пулеметчику. – А мы ремонтом займемся: сперва гусеницу починим, потом башню.

«Ну вот и отлично, – Истомин поглядел на залегшего рядом с ним пулеметчика. – Пулемет и моя самозарядка – этого мало-вато, конечно, но до окончания ремонта отбиваться сможем. Все, ждем гостей дорогих».

Вскоре в лощине между холмами появились два немца. Истомин тут же дважды выстрелил, оба упали. Так, а вот еще трое. Еремеев дал короткую очередь, и пулемет неожиданно замолк. Что там? Истомин глянул в сторону Еремеева. Тот дергал рукоятку затвора – пулемет заклинило. Поняв, что по ним больше не стреляют, немцы, залегшие после первой пулеметной очереди, короткими перебежками стали продвигаться к танку. Ладно, сами справимся. Один за другим Истомин сделал восемь выстрелов, свалив шестерых. Немцы опять залегли. Истомин сменил магазин и прицельными выстрелами снял еще двух. Немцы в ответ открыли шквальный огонь из автоматов. И тут, наконец, ожил пулемет Еремеева. Длинная, в полный диск очередь поубавила немцам прыти. Пулемет снова замолчал. «Опять, что ли заклинило? А, нет, диск меняет». Еще три выстрела – и два убитых немца. Стук инструментов прекратился.

– Все в танк! – раздался сквозь грохот стрельбы крик лейтенанта.

Истомин выстрелил еще раз и пополз вслед за Еремеевым к открытому нижнему люку «КВ».

Рев дизеля, скрежет и лязг металла. Танк, двигаясь задним ходом, отходил к позициям батальона, и тут по броне как кувалдой садануло. «Попадание, – тут же понял Истомин, – немцы нас добить хотят». Танк замер. Опять в гусеницу попали? Но нет, громыхнуло танковое орудие, и «КВ» возобновил движение. Значит, остановка понадобилась для более точного прицеливания. Заряжающий дослал в казенник пушки новый снаряд – еще остановка и еще выстрел, потом еще и еще. Отвечая огнем на огонь, экипаж «КВ» расстреливал пытающуюся уничтожить их танк немецкую батарею. Поворот, двигатель смолк, танкисты распахнули люки. Наконец-то!

Истомин, прихватив винтовку, вылез вслед за экипажем и прыгнул с брони на землю. Так, а вот и командование пожаловало. К ним подошел улыбающийся комбриг.

– Молодцы, за спасение машины, уничтожение противотанковой батареи и... – он вопросительно посмотрел на командира танка.

– Три танка сожгли, товарищ полковник, – доложил тот.
– ...И уничтожение трех танков противника представлю экипаж к награде. А это кто с вами?

Комбриг перевел взгляд на стоящего возле танка Истомина.

– Ефрейтор Василий Лаптев из маршевой роты, – представился по всей форме Истомин.

– Он из пехоты, товарищ полковник, на броню с нами в атаку шел, а потом вместе с сержантом Еремеевым танк от немцев отбивать помогал, пока мы гусеницу и башню чинили, – пояснил командир танка. – Исключительно хороший стрелок. У Еремеева во время боя пулемет повредило, так он в одиночку немцев как в тире клал.

– Как в тире, значит? – комбриг многозначительно посмотрел на Истомина. – Ворошиловский стрелок?

– Никак нет, – мотнул головой Истомин, – просто практика большая была, с первого дня воюю. – И закончил про себя: «Если бы вы знали, с какого».

– Практика – это хорошо, – протянул комбриг. – Как раз то, что нужно. В общем, все, экипажу отдыхать, Лаптев со мной.

«Интересно, и зачем я ему как хороший стрелок понадобился? – думал Истомин, шагая вслед за комбригом к штабной палатке. – Инструктором по стрельбе для новобранцев, что ли, сделать хотят? Так не время вроде учебными стрельбами заниматься, война как-никак. Солдат в мирное время стрелять учить надо, а на фронте поздно. Или, может быть...»

Они подошли к штабу.

– Твой боец, капитан? – комбриг кивнул в сторону Истомина.

– Так точно, мой. Вася-золотоноша. Что натворил?

Капитан, командовавший батальоном, в состав которого и вошла маршевая рота, куда был приписан Истомин, удивленно посмотрел на своего подчиненного. Он был самого лучшего мнения о ефрейторе Василии Андреевиче Лаптеве – в миру Васе-золотоноше. Это прозвище приклеилось к Истому намертво после того, как среди бойцов и офицеров разошлась история про полпуда золота.

– Да ничего, комбат, ничего. Орлам моим танк от немцев отбить помог, ну они мне и доложили, что стреляет отлично. Так вот я и подумал, что он как раз нам для этого дела и подойдет. Да, кстати, а почему золотоноша?

– Вот оно что, – облегченно вздохнул комбат, – тогда подойдет. А золотиноша... Вы историю про золото слышали, товарищ полковник?

– Да, слышал. Неужели он?

– Так точно, он.

Капитан расплылся в улыбке.

– Прямо в расположение моего батальона третьего дня с восемью килограммами золота пришел через линию фронта. Повышен в звании до ефрейтора, к ордену Красной Звезды представлен и принят в члены ВКП(б) без кандидатского стажа.

«Так, инструктором по стрельбе не сделают точно, – решил Истомин, слушая «шифрованный» разговор командиров. – А тогда кем? Может, в разведку, если учесть опыт действий в немецком тылу и успешный переход через линию фронта». Но, как оказалось, судьба готовила штабс-ротмистру Истомину другое. Его, отличного стрелка, определили снайпером. «Да, попал так попал, – думал Истомин, осматривая выданную ему снайперскую винтовку. Обыкновенную трехлинейку с оптическим прицелом. – У меня же опыта в этом деле ноль. Ну не было снайперов на германской. Не было, и все тут! А уж на Гражданской и подавно. И что теперь делать?» «Да то, что по уставу положено, господин штабс-ротмистр, – вмешался в ход мыслей внутренний голос. – Приказ исполнять, вот что». «Знаю, что надо, – огрызнулся Истомин, – вот только как?» «Да со смекалкой, как всегда на Руси в таких случаях делалось», – услужливо подсказало подсознание. «Это верно, со смекалкой, то есть творчески», – согласился Истомин.

Да, выполнять приказ. И ничего другого не остается. Даже не потому, что сейчас не 1917 год, когда солдаты говорили так: «Вот до революции плохо было: отдал тебе приказ офицер, значит, надо исполнять, а то трибунал и стенка. А при революции – отдал тебе приказ офицер, а ты ему штык в пузо, и никакого приказа. А трибунал? Так он из тех же самых офицеров состоит. Ну так ты и им штык в пузо – и ни трибунала, ни стенки. Свобода, одним словом».

Нет, так нельзя, иначе конец всему, как это уже было однажды. И с него, Истомина, в этом деле спрос вдвойне, ведь он здесь один из самых опытных, уже четыре года воюет и потому ни под каким предлогом отказаться и других под чужую пулю подставить права не имеет. Так что придется азами снайперского мастерства по

ходу дела овладевать, если, конечно, живым останется. Ведь переиграть снайперу-любителю снайпера-профессионала можно лишь при наличии очень творческого подхода и огромной удачи.

«Ну где же ты, где?» – Истомин в который раз самым тщательным образом осматривал в бинокль немецкий передний край. Все вполне естественно, если не сказать больше: совсем никаких следов снайперской позиции врага даже с высоты его наблюдательного пункта на дереве видно не было. Хорошо замаскировался или с деревьев работает? Тоже не исключено. Тогда на земле его искать без толку. Хотя нет, с деревьев вряд ли – слишком уж точно по целям бьет. Пятерых за два дня уложил, и всех точно в лоб. А до деревьев с немецкой стороны далековато, к тому же ветер позавчера и вчера был неслабый. Так что нет, при такой погоде да с такого расстояния настолько точно в цель не попасть. На земле он где-то прячется, вот только где?..

«Стоп, а это что за странный бугорок? Да у него же тень от передней части под прямым углом срезана. Неужели нашел? – Истомин пригляделся повнимательней. – Точно нашел, вот она – позиция немецкого снайпера. Нет, не на дереве он засел, а у самого переднего края за броневым щитком с бойницей, под обычный бугорок замаскированным. Да, здорово придумано. Удобно и безопасно. Сиди себе за броней и лови в прицел кого пожирнее, пули ответной не опасаясь. Разве что минами закидают. Да вот только нет у нас минометов, нет! И немцу это из наблюдений наверняка известно. Вот потому и наглеет, третий день позиции не меняя. И как же его, спрашивается, при таком раскладе достать?»

Истомин перевел взгляд на наши окопы, подыскивая место для своей будущей позиции. Дело выходило, прямо скажем, не очень. Весь рельеф местности оказался таким, что достать немца в его импровизированном доте можно было лишь пробив лобовым выстрелом бронешиток либо через бойницу щитка. Ни то, ни другое просто невозможно. Первое, во всяком случае, точно. Ведь немец не новичок, и бронешиток ему наверняка не на коленке сделали. Заводской, не иначе, стало быть, бронебойную пулю от винтовки Мосина выдерживает с гарантией. Остается второе: через открытую бойницу немца прямо в оптический прицел бить. Прямо в яблочко. В принципе возможно, но риск огромный, потому что в случае промаха тут же получишь пулю в обратную...

В окуляры бинокля случайно попала голова сержанта Яблокова – командира взвода саперов, в котором теперь числился Истомин. Саперы, мины, взрыв, тол – сложилась в голове мозаика. И тут Истомин понял, что надо делать! Да, именно так: если врага нельзя застрелить, его следует взорвать. А как? Да очень просто. Нейтралка, это он от саперов знал точно, не минирована. Ну и отлично. Подползти ночью к позиции немца, благо опыт пересечения линии фронта уже имеется, толовую шашку аккурат перед бронешитком положить – и назад. А утром, как только немец бойницу для охоты откроет, в шашку зажигательную пулю впечатать. Вот и посмотрим, выдержит ли крупшовская броня взрыв двухсот граммов тротила.

Истомин едва дождался ночи.

Вспышка очередной ракеты осветила все вокруг. «Ага, вот он, шиток», – пальцы коснулись холодной поверхности металла. Незаметным движением Истомин придвинул обернутую бумагой толовую шашку под самое основание снайперского дота, поправил траву вокруг и, дождавшись, пока ракета погаснет, пополз к своим позициям.

Остаток ночи тянулся очень долго. Хоть летом ночи и коротки, но эта как будто длилась целую вечность. Наконец заалел восход, небо постепенно стало светлеть, а предметы начали приобретать привычные дневные краски и очертания. Начинался новый день, еще один из 1418 дней Великой Отечественной войны.

«Да, новый день, – подумал Истомин, беря в перекрестье прицела белый квадратик толовой шашки, – и сегодня, кроме многих прочих, умрет еще один человек, немецкий снайпер». Поверхность бронешитка на мгновение ожила, выставив вперед сквозь открытую бойницу закамуфлированный ствол винтовки. «Пора», – Истомин, задержав дыхание, плавно нажал на спуск. Выстрел и взрыв прогремели практически одновременно. Сдетонировавшая от попадания зажигательной пули толовая шашка разнесла на куски и бронешиток, и немецкого снайпера, засевшего за ним.

А немцы, похоже, даже не поняли, что произошло, потому что с их позиций не последовало ни одного выстрела. «Странно, – Истомин, передернув затвор, пошарил прицелом по переднему краю. – Почему немцы не отвечают? Я же их снайпера... А они...»

Из-за бруствера в соседнем с бывшей снайперской позицией окопе показалась голова в каске. Выстрел – точно в цель. Враже-

ский солдат, зажав руками глаз, свалился на дно окопа. «Второй, – подытожил Истомин. – Может, еще кого подловлю?» Но нет, больше получить пулю от русского снайпера среди немцев желающих не нашлось. Они, наконец, поняли, в чем дело, и обрушили на наши позиции целый ливень мин в отместку за своего снайпера.

– Ну что же, Лаптев, поздравляю тебя с первым успехом на новом поприще, хорошо ты немца уделал, по-умному. Да вот только потом под минами шестеро наших полегло, так что уж не взыщи, если на тебя свои же коситься станут.

– Да я все понимаю, товарищ капитан, – пожал плечами Истомин. – Тут ведь у каждого своя правда.

– Ну и отлично, – комбат улыбнулся, – тогда все, спать. Иди, вечером поохотишься.

Но выспаться как следует Истомину не удалось. Не успел он толком уснуть, как от взрывов бомб задрожала земля. «Ну что же вы за гады?! – бормотал он в полусне. – Поспать-то мне нормально не даете. Эх, сейчас бы сюда пулемет зенитный, что штаб дивизии прикрывает, вы бы не так нагтели».

А немцы действительно вели себя уж очень развязно. Пользуясь отсутствием противовоздушной обороны и чувствуя практически полную безнаказанность, немецкие пилоты, бросая бомбы, выходили из пике чуть ли не над самой землей, демонстрируя друг другу такими акробатическими трюками искусство высшего пилотажа. Нет, с этим пора кончать! Руки сами потянулись к винтовке. Истомин, дослав в патронник патрон с бронебойно-зажигательной пулей, взял на прицел очередной «юнкерс», атакующий передний край.

– Да брось ты, Вася, все равно не собьешь, для него та пуля – что слону дробинка, – услышал он голос лежащего рядом с ним в окопе сержанта Яблокова.

– Знаю, что дробинка, – процедил сквозь зубы Истомин, лоя в оптику прицела идущий прямо на них самолет.

Но тут уж, как говорится, не съем, так понадкусаю. Душу отвести надо. Выстрел. «Юнкерс» скользнул в поле зрения и исчез. Истомин передернул затвор, лоя в прицел очередной «лаптежник». Рядом захлопали выстрелы. Это вдохновленные его примером саперы тоже взялись за карабины, решив отвести душу. Выстрел, еще один, потом еще и еще. А пики-

ровщикам хоть бы что. Ну да, конечно, прав командир, что их пули самолету как слону дробина. Указательный палец замер, не добавив спуск. Взятый Истоминим на прицел очередной «юнкерс» резко дернулся и, быстро увеличиваясь в размерах, понесся в их сторону.

– Так мы его что, сби?..

– Ложись! – истерически заорали рядом.

Натренированное тремя годами войны тело среагировало раньше сознания, и Истомин рухнул на дно окопа. Как раз вовремя. Через какую-то долю секунды над их головами совсем низко с ревом и воем промчалась черная молния, а потом гроыхнуло так, что задрожала земля. «Нет, два раза за две недели самолет на голову – это, пожалуй, многовато, – первая мысль, которая возникла у Истомина после того, как он снова обрел способность соображать. – Так ведь и зашибить могут».

– Все живы? – раздался в неожиданно наступившей тишине слегка приглушенный голос сержанта Яблокова. – Все?

Истомин оглядел находящихся в окопе.

– Слава богу, все.

Саперы, отряхиваясь от пыли, постепенно приходили в себя, один за другим обращая взоры в сторону огромной воронки, на дне которой догорал пикировщик.

– Да, повезло нам сегодня, – резюмировал Яблоков. – Если бы на полсотни метров ближе, то...

Он обернулся к Истомину.

– Вася, это ты его сбил?

– Нет, не я, – честно признался Истомин. – Я выстрелить не успел. А кто еще тогда, кроме меня, стрелял?

Как оказалось, из шестерых находившихся в окопе именно по этому «юнкерсу» не стрелял никто.

– Так это что же, я его один, что ли? – глаза Яблокова от удивления вылезли на лоб. – Я же ведь из ополченцев, стрелять-то нормально не умею, на ворошиловского стрелка так и не сдал, а тут...

– А тут золотое попадание, товарищ сержант. Поздравляем вас со сбитым вражеским самолетом! – выразил общее мнение Истомин. – За это, как минимум, медаль дадут.

– И еще по шее, – подал голос укравшийся вместе с саперами в одно окопе повар.

– В каком смысле? – Яблоков удивленно уставился на повара.

– Да в прямом. Кухню-то вдребезги разнесло, аккуратно на нее немец по вашей милости приземлился. Ни лошади, ни котла – все подчистую, как корова языком слизала. Так что не взыщите, на обед сегодня сухпай. Так-то вот.

Последовавший по окончании этой тирады взрыв смеха едва ли был менее громким, чем грохот взрыва упавшего пикировщика.

– Так, посмеялись, и хватит, – сержант Яблоков стал серьезным. – Все на передок завалы разгрести, – и, закинув на плечо карабин, он быстрым шагом направился в сторону передовой.

«Да-а, дела-то у нас невеселые, – думал Истомин, шаря прицелом по немецкому переднему краю. – Из одиннадцати еще вчера бывших в наличии танков после боя и бомбежек только один «КВ» уцелел. И хотя при отражении утренней атаки из него аж три немецких танка сожгли, толку от этого в стратегическом смысле ни на грош. История недельной давности повторяется, как по шаблону. Если не могут немцы сразу, ну или за несколько атак, нашу оборону прорвать, так бомбардировщики в ход пускают и долбят с неба передний край, покуда всех с землей не смешают. И вот что странно: авиации нашей нет, чтобы своих от удара с воздуха прикрыть. Вернее, авиация есть, да вот только с опозданием истребители сегодня появились, уже после авианалета. Минут этак через двадцать. Ну и что толку? Покружила в небе четверка, как их командир назвал, «ишачков», «И-16» то есть, и улетела. Воевать-то уже не с кем. А какой отсюда вывод напрашивается? Да простой: взаимодействие родов войск в Красной армии ни к черту, в отличие от немцев, которые работают как часы.

Одно только радует: немецкий передний край словно вымер. Сидит немчура по окопам и глаз наружу не кажет. Не то что раньше – в полный рост, не сгибаясь, ходили. А все почему? Да потому, что теперь не у них, а у нас снайпер имеется. А их снайпер сегодня утром раненько по частям в отставку вышел, да не один, а с товарищем сильно любопытным. Чтобы, значит, в отставке не скучать. Эх, удачно все-таки утром получилось. Двоих за раз, – довольно подумал Истомин. – Не то, что сейчас. Четвертый час в засаде, а результата ноль, даже скучно».

Он еще раз внимательно оглядел немецкие окопы. Никакого движения. «Стоп, а что здесь делает ворона? – этот вопрос

неволью возник у Истомина, когда в поле зрения снайперского прицела внезапно появилась представительница семейства врановых. – Странно. – Сознание само переключилось в режим аналитики. – Птица на поле боя, причем совсем недавнего. Вон на правом фланге танк еще дымится. Нет, вороне здесь не место. Дым, пыль, гарь пороховая любое животное напугать может, да и птицу тоже, а эта что, храбрее остальных, что ли? И ведь главное – где сидит. На поваленном дереве, что у немцев на передке, у самой первой линии траншей. Да не просто сидит, а неподвижно, как приклеенная. Это для птицы странно. Рассмотрим-ка ее поподробнее».

Рука Истомина уже потянулась к биноклю, как вдруг ворона зашевелилась, но не как птица, готовая взлететь, а плавно, вокруг вертикальной оси. Повернулась сначала в одну сторону, потом в другую.

«НП! Точно, там у немцев наблюдательный пункт, – Истомин довольно улыбнулся. – И не ворона это вовсе, а чучело – муляж для перископа, чтобы наблюдателя замаскировать. Что же, надо отдать немцам должное, хорошо придумали. Во многом натурально. Ну кто на птицу внимание обратит, если не особенно вглядываться? Да никто. Все вполне естественно. Эх, жалко только, что не офицер на НП сидит, а так, чин нижний, максимум унтер. Снайперы ведь, как правило, за рядовыми не охотятся. Ну да ладно, – вздохнул Истомин, – на безрыбье и рак рыба».

Выстрел. Перископ дернулся и исчез. Попал или не попал – неясно, уж больно цель неудобная. В просвет между пнем и стволом поваленного дерева почти наудачу стрелять пришлось. Так что мог вполне и промахнуться. Но это уже неважно, пора менять место.

Осторожно, стараясь ничем себя не выдать, Истомин скользнул в заранее облюбованную воронку. И тут началось. В небе с пронзительным свистом завывали мины. Одна, вторая, третья, пятнадцатая. Потом он сбился со счета. Все вокруг гремело, а сверху почти непрерывным потоком сыпался водопад земли и камней. «Нет, я точно не рядового подстрелил, – думал Истомин, вжимаясь в дно воронки. – Полковника – не меньше, раз они так лютуют».

Его предположение оказалось верным. Ночью ходившие в немецкий тыл разведчики доставили языка, который на допросе, кроме всего прочего, показал, что сегодня вечером русский снай-

пер убил какого-то приехавшего из Берлина важного чина СС в звании штандартенфюрера, когда тот находился на НП.

«Итак, вчера трое: снайпер, рядовой и полковник из СС. А сегодня по нулям, неудачный день, одним словом, – констатировал Истомин, возвращаясь после безуспешной охоты к себе во взвод. – Ну ничего, бывает. Не все коту масленица. Хотя жалко, конечно: полсуток в засаде просидел, и ничего. Но с другой стороны, еще одно попадание под такой минометный обстрел, как вчера, и прямая тебе дорога, ефрейтор Лаптев, в госпиталь с контузией. Голова до сих пор гудит, как колокол, и одно ухо заложено. Санинструктору, что ли, показаться на всякий случай? Пусть посмотрит, мало ли что».

– Ну и сколько сегодня эсэсовцев настроелял? – встретил Истомина вопросом сержант Яблоков.

– А нисколько, – отмахнулся Истомин. – Ни одного, ноль. Видать, вчера весь лимит выбил. Немцы-то весь день молчат.

– Да, молчат, – вздохнул Яблоков. – И, сдается мне, не к добру это. Тут, Вася, – он понизил голос, – слух прошел, что вроде как в колечке мы оказались и ночью на восток двинем. Так что иди поешь, там тебе котелок с кашей оставили, горячий еще. И будь готов. До утра из взвода ни ногой. Понял?

– Понял, товарищ сержант, – упавшим голосом произнес Истомин. – За кашу спасибо.

– Не за что, этого добра пока хватает. В общем всё, иди есть, а я к командованию – обстановку разведваю.

Перловая каша с черным хлебом особо настроение не подняла, разве что ухо во время еды отпустило, а так... «А так сколько же мы еще пятиться и в окружение попадать будем? – в который раз задавал себе вопрос Истомин. – До Москвы-то не так уж и далеко. Не пора ли кончать раку уподобляться, господа-товарищи? Ведь в германскую, или империалистическую, как ее теперь называют, немцы и до Минска не дошли, а тут...» Но что самое неприятное и непонятное для Истомина, так это то, что солдаты, его боевые товарищи, державшие здесь, рядом с ним, плечом к плечу оборону, воевали ничуть не хуже тех, с которыми он бок о бок в прошлой войне воевал. А результат... Все пятимся и пятимся. От отступления к отступлению, от окружения к окружению. Что же, выходит, командование РККА виновато, руководство страны, ВКП(б), Сталин? Вряд ли. Если уж большевики белых разбить

смогли и новую Советскую Россию построить, значит, воевать и руководить страной они умеют. Но тогда как это все объяснить и понять?

И вдруг Истомин понял для себя, как это все объяснить и понять. Да очень просто: никак. Да-да, именно никак он не сможет ни объяснить, ни понять происходящее. И не потому, что глупый такой, а исключительно по той причине, что у него явный недостаток информации о событиях, произошедших в России за те последние двадцать два года, когда он в ней не жил. И вообще нигде не жил, а так, по случаю через два десятка лет во времени перепрыгнул. И вот теперь тут так просто решил разом в проблеме разобраться, на книгу по истории и разговоры с однополчанами опираясь.

«Нет, не выйдет это у меня, не выйдет, – печально подумал Истомин, – потому как жизненный опыт ни книгами, ни беседами не заменишь, а раз так, то пора всякие объяснения с самим собой прекратить ввиду их полной бессмысленности и бестолковости. Одним словом, каши поел, командира нет, можно и на боковую, тем более что этой ночью спать, по всей вероятности, не придется, коли отступление намечают».

И с этой мыслью, подложив под голову скатку шинели, Истомин почти мгновенно заснул возле землянки саперов.

Глава II

Отступление длилось почти месяц, и только к концу августа окруженцы, наконец, смогли пробиться через линию фронта.

«А может быть, и зря мы так к своим ломились? – думал Истомин, лежа на нарах в бараке фильтрационного лагеря, куда для проверки поместили всех, кто смог вырваться из немецкого котла. – Нет, не то чтобы здесь было особенно плохо. Ну да, не курорт, конечно, но хоть поспать можно нормально и крыша какая-никакая над головой имеется, кормят к тому же регулярно. Тем не менее – какой смысл держать здесь, в фильтрационном лагере, такую массу народа боеспособных, обстрелянных бойцов? А не лучше ли было нам в тылу у немцев остаться и партизанить начать? Дали бы

мы им жару. Но почему-то на сей счет у командования было свое особое мнение: к своим – и всё тут. Вот и сидим теперь без толку за колючкой. Причем проверяющие, как назло, особенно не торопятся. Что же, их тоже можно понять: всех проверят по-быстрому, а что дальше делать? Глядишь, еще и самих на фронт отправят, а оно им, тыловикам, надо? Вот резину и тянут».

– Лаптев, на допрос! – разнеслось по бараку.

– Наконец-то.

Истомин слез с нар и направился к выходу. Как ни странно, но вызов на допрос его даже обрадовал. Не потому, что он страстно желал пообщаться со следователем, вовсе нет. Дело тут было в другом. За все время нахождения в фильтрационном лагере его допросили всего один раз, да и то как-то уж больно вяло, что ли, ну если сравнить с рассказами других, таких же, как он. Тех по полной крутили, на мелочах пытались поймать, искали в показаниях нестыковки. А его – нет. Так, поговорили по душам мягонько, сфотографировали зачем-то и как бы забыли. Странно, если не сказать страшновато, в неопределенности жить. То ли верят, то ли нет.

– Кого из этих людей вы знаете, гражданин Лаптев? – следователь выложил на стол четыре фотографии.

– Вот этого, – Истомин указал на крайнюю справа фотокарточку. – Федор Иванович Рублёв, кассир Госбанка, мы вместе с ним восемь килограммов золота через линию фронта доставили.

– Совершенно верно, и он тоже вас опознал, так что... – стальные нотки в голосе следователя исчезли. – Поздравляю вас, товарищ Лаптев, с успешным прохождением проверки. Вы свободны.

– Спасибо, – Истомин встал по стойке смирно и отдал честь. – Разрешите идти?

– Идите.

Та часть фильтрационного лагеря, куда тут же перевели Истомин как прошедшего проверку, мало чем отличалась от той, в которой он находился последнее время. Все те же бараки и колючая проволока, но статус у проверенных был уже другой. Нет, не арестанты они теперь, а бойцы – бойцы Красной армии, и не иначе. Вот почему находиться здесь было намного приятнее и с точки зрения психологической, и с точки зрения бытовой. Лучше кормили, выдали новую, хотя и малость бэ-у, форму. Ну почти запасной полк.

«Ладно, все хорошо, что хорошо кончается, – подумал Истомин, глядя сквозь колючку на своих, еще не отфильтрованных однопольчан. – Уж если так глубоко копали, что аж до опознания меня Рублёвым дело дошло, то, будем надеяться, и все остальные также нормально проверку пройдут. Потому как вышли мы из окружения не поодиночке, а все вместе, нас за две сотни человек наберется. Так что счастливо вам, ребята, как и мне, проверку пройти, а пока у меня своя дорога».

Прошла еще неделя, и проверка наконец закончилась. «Вот и отлично, – думал Истомин, собирая вещмешок. – Хватит в тылу болтаться, и так почти месяц здесь просидели, на фронт пора. Немец-то под Москвой уже. Сводки одна другой страшнее. Ну ничего, нас тут целый батальон, немного, конечно, в масштабах фронта – капля, по сути, но и она, как известно, камень точит. Так что вперед, на передовую». И, набросив на плечи лямки вещмешка, он направился к выходу из барака.

Перед отправкой был митинг, который Истомин запомнил на всю жизнь, потому что именно там, у ворот фильтрационного лагеря, он, штабс-ротмистр Истомин, русский офицер и дворянин под именем Василия Андреевича Лаптева, получил свою первую советскую награду – орден Красной Звезды. Сначала все шло как обычно – выступили вновь назначенный командир и комиссар. Лагерная администрация свое слово сказала: так и так, проверку вы, товарищи, прошли и теперь снова нормальные советские граждане... Ну и так далее, и тому подобное. Стало даже скучно.

«Скорей бы конец, – думал Истомин, слушая очередного оратора, – вечер уже, а нам еще до станции с десятков километров топать, и если мы тут замитингуемся, то тащиться придется наверняка под дождем, что само по себе не есть гут. Ага, вроде все, похоже, закончили».

– Ефрейтор Лаптев! – как гром среди ясного неба разнеслась над строем его фамилия.

– Я! – выкрикнул Истомин.

– Выйти из строя! – прозвучала команда.

– Есть! – ответил Истомин, и тут же у него мелькнул вопрос: «Я-то им еще зачем?»

Но вопрос вопросом, а команды военный человек, и не просто военный, а кадровый офицер, коим и являлся штабс-ротмистр

Истомин, выполняет, как известно, во многом на рефлексах. Вот и теперь ноги сами доставили его к трибуне. Что дальше?

– Товарищи! – торжественным тоном произнес комиссар. – Вы все прошли проверку и, как я уже сказал ранее, Родина вам верит. Но и не только верит, а вознаграждает каждого по заслугам. Перед вами, товарищи, стоит человек, – короткий взгляд в сторону Истомина, – совершивший подвиг. Ефрейтор Лаптев, неоднократно рискуя жизнью, доставил через линию фронта особо важные государственные ценности, за что и был удостоен высокой правительственной награды – ордена Красной Звезды.

И с этими словами комиссар прикрепил на грудь Истомина серебристую звездочку с красными эмалевыми лучами.

– Слушай, Вася, а там правда целых полпуда золота было? – в который раз приставали к Истомину соседи по теплушке.

– Нет, не полпуда, а всего лишь восемь килограммов драгметалла в слитках, – шутил Истомин. – Мелочь, в общем-то, в довоенных ценах хватило бы примерно на...

Резкий скрежет тормозов и грохот бомбовых разрывов, слившись в один звук, прервали разговор на самом интересном месте. Еще взрыв. Вагон резко трянуло и стало кренить набок. Сидевший у выхода сержант Яблоков резким движением сдвинул дверь и, крикнув: «За мной!», выпрыгнул наружу. Остальных уговаривать не пришлось, они последовали за сержантом.

«Всё, конец эшелону, – подытожил Истомин, оглядев то, что осталось от состава. Паровоз прямым попаданием разметало на куски, три вагона сошли с рельсов, путь поврежден. – Ну ничего, до фронта рукой подать, к обеду дойдем. Ой, а с рукой что? И почему так тихо?»

Он вдруг резко почувствовал, что по левому рукаву тонкой струйкой стекает кровь, а уши перестали воспринимать окружающие звуки. «Должно быть, осколком зацепило, – мелькнула мысль, – а уши...» Но тут перед глазами все поплыло, Истомин потерял сознание.

«Где это я? Почему нары в теплушке такие мягкие? И зачем одеяло выдали? А, ну да, нас же по дороге бомбили, и меня, похоже, задело». Истомин, окончательно придя в себя, обшарил взглядом пространство. Комната со светло-синими стенами и белым потолком, он на кровати. Палата госпиталя. В памяти мгновенно возникли события прошедшего дня. Теплушка,

авианалет, разбитый прямым попаданием бомбы паровоз, теплая струйка крови по левой руке, отсутствие звуков. Дальше черный провал. «Стоп: уши! – Истомин прислушался. – А нет, все слышу, стало быть, слух нормальный. Рука? Рука, похоже, тоже не очень пострадала – пальцы работают. Предплечье забинтовано, но не в гипсе – значит, только слегка зацепило. Легко отделался. Прошное ранение на той еще, германской, империалистической то есть войне, было куда тяжелее. Чуть осколок в печень не угодил. А тут – ну максимум пара недель. Интересно, а кто рядом? – Истомин, приподняв голову с подушки, огляделся по сторонам. Палата на три койки. – Ох ты, да здесь свои, с нашей теплушки! А рядом сержант Яблоков лежит, причем почему-то на животе. Не иначе как в спину ранен».

Очевидно, почувствовав на себе чужой взгляд, Яблоков открыл глаза.

– А, Вася, пришел в себя. Ну добрый вечер, – поприветствовал он Истомина.

– И тебе того же, командир, – Истомин улыбнулся. – Тебя что, в спину?

– В спину, в спину, – вздохнул Яблоков, – и, похоже, я свое отвоевал. Осколком позвоночник зацепило, ног почти не чувствую.

– Да, серьезно, – Истомин на некоторое время замолчал, пытаясь подобрать слова.

Не повезло командиру, считай, инвалид. Или?..

– Так не чувствуешь или почти не чувствуешь?

– Ну, слегка ощущения есть, а что? – насторожился Яблоков.

– А то, товарищ сержант, – назидательным тоном произнес Истомин, – что если хоть что-то ощущаешь, значит, ходить будешь обязательно. Не сразу, конечно, после долгой тренировки, но на ноги встанешь точно, даю гарантию. Пример есть.

И Истомин рассказал Яблокову придуманную на ходу историю о человеке, с которым случилась похожая история, только на империалистической. Да, конечно, это была ложь во спасение, но с другой стороны – дать человеку надежду тоже очень важно. А кроме того, метод ментальной тренировки в этой придуманной истории был реальным. Его Истомин почерпнул еще во время учебы в кадетском корпусе у одного из преподавателей, который в молодости путешествовал по Тибету и был знаком со многими приемами восточной медицины.

– Ну спасибо, Вася, – оживился Яблоков. – Я-то уж думал, что всё, до конца жизни без ног ползать буду, а мне ведь всего двадцать два. Ты сам-то как?

– А-а, нормально, уши слышат, рука, считай, целая. Сколько, кстати, я «отдыхал»?

– Да ну часа так... – Яблоков на мгновение задумался. – Четыре, не больше. Врач, кстати, сказал, что еще контузия у тебя.

– Это точно, – согласился Истомин. – Голова как не моя, будто на качелях перекатался. А сосед наш так же, как и я, – по контузии? Без сознания?

– Хуже, – голос Яблокова дрогнул. – Под наркозом осколок из груди вынули и обе ноги отняли ниже колен, так что...

Но тут дверь открылась, в палату вошел врач в сопровождении медсестры. «Вечерний обход, – понял Истомин. – Ладно, поговорим позже, впереди еще много времени».

Его лечение, как и предполагал Истомин, продлилось две недели и ничем особенным не запомнилось, кроме одного: он поймал диверсанта! Самого настоящего диверсанта, пытавшегося отравить систему водоснабжения госпиталя.

А дело вышло так. За день до выписки Истомина, как выздоравливающего, отрядили на охрану территории. Обычное дело по причине отсутствия штатного охранения, для комплектации которой просто не было свободных людей. Все здоровые и способные держать оружие – на фронте. Кто в армии, кто в ополчение ушел, так что... А без часовых никак нельзя. Москва – город прифронтовой, не тыл глубокий, вот и выкручивалось госпитальное начальство как могло, выздоравливающих на охрану ставя.

«Да, не повезло мне со временем», – в который раз думал Истомин, пытаясь отогнать одолевающую его сонливость. Со второй половины ночи до утра на посту стоять хуже некуда. Как говорят моряки, «собачья вахта» или просто «собака». А сейчас она самая «собака» и есть: четыре утра – самый сонный час и темнота хоть глаз выколи. Светомаскировка от авианалетов, фронт-то рядом. Хотя сегодня бомбить вряд ли будут: погода не та, ветрено и облака, но тем не менее.

«Стоп, непорядок», – мелькнувший в окне первого этажа тоненький лучик света переключил мысли Истомина на иное направление. Кто-то светомаскировочную штору закрыл неплотно, предупредить надо, сейчас с этим строго. Он уже направился

было в сторону центрального входа, чтобы сообщить об увиденном дежурной медсестре, как вдруг его внимание привлекла едва заметная тень, мелькнувшая возле водоналивной емкости, из которой в госпиталь подавалась вода. Истомин на мгновение замер. Может, показалось? Мало ли что в темноте привидится, особенно в четыре утра! Но тут в прогале между облаков появилась луна, и в ее неярком серебристом свете стал хорошо различим силуэт человека, карабкающегося по металлическим скобам, приваренным к стенкам емкости. Не показалось.

Истомин вскинул винтовку. Выстрел. Человек пошатнулся и рухнул на землю. Истомин, передернув затвор, кинулся к нему. Только бы при падении не убился, четыре метра все-таки, он же живой нужен. Это же наверняка диверсант. Но нет, подстреленный им человек глухо стонал, лежа лицом вниз.левой он зажимал простреленное бедро, а правой копался в кармане шинели.

– А-а-а, больно! – взвыл раненый, когда Истомин, навалившись сверху, заломил ему руки за спину.

«Так, что в кармане? Ох ты, как интересно: ТТ со взведенным курком! Точно диверсант. Вовремя я его скрутил, – подумал Истомин, – а то бы он запросто мог стрельбу открыть. Ну что же, будем считать, что сегодняшняя ночь прошла удачно, не зря «собаку» отстоял»...

– Ну как, все правильно? – спросил особист, когда Истомин прочел протокол о ночном происшествии.

– Да, все.

– Тогда пиши: «с моих слов записано верно, мною прочитано» – и ставь подпись, – оперативник из контрразведки НКВД пододвинул к Истому чернильницу. – Считай, дело готово. А «крестничек»-то твой раскололся уже. Его, видите ли, немцы послали водонасосную станцию отравить, чтобы по всей округе мор пошел, а там охраны полно. Ну так он вокруг да около пару дней потоптался, понял, что не выйдет, и решил на госпитале отыграться. Где охрана-то вроде послабее. Теперь вот соловьем поет, думает, за то, что он всю свою группу сдал, ему вышку скостят. Зря надеется, уж кому-кому, а ему при любом раскладе вышка ярче любого маяка светит.

– Серьезная птица? – поинтересовался Истомин.

– Еще какая, – сверкнул глазами оперативник. – Три судимости, последняя за разбой, плюс побег с этапа. Я за этой птичкой

еще в смоленском УГРО гонялся. Ну а как немцы к городу подошли, так и разошлись наши дорожки. Я – в ополчение на передовую, он, выходит, тоже – но к немцам. Уж и не думал, что свидимся, меня же после ранения в контрразведку определили. А оно вон как вышло... Ладно, всё, боец, свободен.

– Есть, – Истомин встал и отдал честь. Он был безмерно доволен случившимся, ибо сегодняшней ночью ему удалось спасти многие десятки, а может быть, и сотни человеческих жизней.

Обстановка в госпитале после всего произошедшего мало-помалу входила в свою колею, но Истомина это почти уже не касалось. Меньше чем через сутки он отбыл на фронт.

Глава 12

«Интересно, а где же мы все-таки находимся точно?» – думал Истомин, пробираясь в предрассветных сумерках по ходам сообщений к переднему краю. Можайская линия обороны – это все, что он знал. «А места-то здесь исторические, – вертелась в голове мысль. – Поле Бородинское рядом, на котором 129 лет назад Наполеона разбили. Вот бы на него посмотреть, какое оно теперь. Такое же, как и в 1913 году, когда он его в последний раз видел, или, может, изменилось за столько лет? Хотя вряд ли, что там менять? Разве что памятники новые поставили, а так...» «А так делом займись, – вмешался в ход мыслей внутренний голос. – Снайперскую позицию поудобней подготовь, ты же не на экскурсии – на войне». «Это точно, – согласился Истомин, – на войне, где каждая мелочь важна, так что будем искать место для засады».

Но выбрать особенно не приходилось. Вся местность была как на ладони, с недавно отрытыми линиями окопов. Нигде особенно не замаскируешься, и вот поэтому, оценив ситуацию, Истомин решил устроиться во второй линии траншей. Полсотни метров от переднего края. Самое то. И не особенно далеко – пятьдесят метров не сильно на точность стрельбы влияют, и не очень близко. На случай авианалета или артобстрела, который, как правило, первую линию больше всего перепахивает и после которого вполне можно без оптики на прицеле остаться,

что сегодня крайне нежелательно. Поскольку, согласно полученному приказу, Истомину ставилась задача не только заниматься привычным снайперским делом, подкарауливать и уничтожать особо важные цели, но и принимать участие в бою, выбивая из рядов атакующей немецкой пехоты офицеров и фельдфебелей. «А СВТ-40 в снайперском варианте как нельзя лучше для этого подходит, – констатировал Истомин, выставляя на бруствер окопа винтовку. – Скорострельность у нее выше, а что до кучности, так это при стрельбе по ближним целям не так уж и важно. Всё. Ждем рассвета».

«Надо же, поле Бородинское», – Истомин не верил своим глазам, оглядывая открывшуюся перед ним в лучах восходящего солнца панораму поля русской воинской славы. Вот тут, совсем рядом, стела с мечом и орлом. Памятник погибшим в Бородинском сражении, а там, на их левом фланге, – батарея Раевского. Здесь, да, именно здесь, может быть, на этом вот самом месте 129 лет назад его, Владимира Васильевича Истомина, предки Москву от Наполеона защищали. И вот теперь он тоже защитит Первопрестольную вышел, но не от французов, а от немцев. «Честь великая, и чести той достойным быть следует», – улыбнулся своим мыслям Истомин и, перевернув затвор, припал к окуляру прицела.

Первый выстрел посвящается героям Отечественной войны 1812 года.

А вот и цель. Похоже, связист линию телефона тянет. Далековато, правда, метров четыреста, и не офицер, но вполне на живца сработать можно: прострелить ногу, а потом, дождавшись, когда к нему товарищи на выручку подползут, уже всю группу положить разом. «Так и сделаю», – решил Истомин и, выставив на прицеле четыреста метров, нажал на спуск. Связист, споткнувшись, распластался на земле. Теперь ждем. Вскоре из окопа выглянул офицер. Почти тут же через бруствер перекатились двое немцев и поползли к раненому товарищу. Ползите, ползите, вы на второе. Офицер важнее. Выстрел. Точно в голову. А вот теперь «спасателей» и связиста. Еще три выстрела. «Итого четыре пули на три цели и одна тактическая, – подытожил Истомин, нырнув на дно окопа. – В общем, даже очень неплохо, особенно если учесть, что не воевал почти полтора месяца. Ладно, утренняя охота, можно сказать, окончена. Дневной бой впереди – там разом и легче, и тяжелее будет».

Бой начался, как всегда, по стандартной немецкой тактике: сначала бомбежка, впрочем, не очень удачная по причине наличия нашей истребительной авиации, а потом атака пехоты при поддержке танков. Немцы жали довольно сильно, накатываясь волнами, но и наша оборона слабой не была. Установленные на батарее Раевского противотанковые орудия жгли бронетранспортеры и танки, лишая пехоту огневого прикрытия. «А вот это уже по-нашему, по-суворовски: воевать не числом, а умением, – радовался Истомин, расстреливая, как в тире, идущих в атаку немецких пехотинцев. – Давно бы так, а то ведь когда с винтовками да против танков и самолетов, это как то не очень правильно. Но теперь баланс сил уравнился, так что можно быть уверенным: Москву отстоим, не быть немецким солдатам в столице, как французам не топтать сапогами Красной площади».

В этом Истомин оказался прав. Да, история с Бородинским полем повторилась: как и Русская армия в Отечественную войну 1812 года, после кровопролитных боев Красная армия отступила, немцы взяли Можайск, но не более того. Напротив, 7 ноября 1941 года в Москве состоялся парад, посвященный 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а ровно через месяц – 7 декабря – началось контрнаступление под Москвой. Получив мощный встречный удар, измотанная многомесячными боями немецкая группа армий «Центр» покатила назад и была отброшена на 250–300 километров от столицы.

А что же Истомин? Он так и продолжал воевать в пехоте снайпером и, хотя особого карьерного роста у него не случилось, но снайперский счет пополнялся регулярно, о чем свидетельствовал не только его послужной список и зарубки на прикладе винтовки, но и новые петлицы младшего сержанта.

В начале января 1942 года Истомина-Лаптева повысили в звании, а в остальном – все как обычно: война. Так продолжалось до конца зимы, а в первый день марта в его жизни произошло одно весьма важное и крайне примечательное событие...

И это называется первый день весны! Мороз градусов двадцать, да еще с ветром. «Нет, сегодня точно охоты не будет, можно и не надеяться, – резюмировал Истомин, – только зря мерзну, и темнеет уже». Он еще раз приложил к глазам бинокль. Немецкие позиции словно вымерли. А как же иначе? Зима в России не чета европейской, где даже реки льдом не всегда покрываются и в суконной

пинели ходить можно. Нет, у нас генерал Мороз свое дело знает. Он еще Бонапарта гонял, так что влипли на Руси фрицы, как кур в ощиц. А впрочем, это все лирика, вернемся к делам насущным.

«Сколько там времени до наступления полной темноты осталось? – Истомин глянул на трофейный «Мозер». – Час с четвертью. Ладно, подождем, пока стемнеет, – и домой, греться. Не каждый день коту масленица». Оставшееся до ухода с позиции время, как и положено в таких случаях, тянулось неимоверно долго, но делать было нечего, приходилось ждать, иначе нельзя. Спускающегося с дерева человека, а именно в ветвах облюбовал себе место Истомин, запросто могли заметить немецкие наблюдатели. Ведь это еще не факт, что они, греясь в блиндаже, не могут через дыру в крыше перископ просунуть и, удобно устроившись у печки, поглядывать за окружающим пейзажем. Где там русский снайпер засел? Не на том ли дереве на опушке леса? Ну так мы его сейчас из миномета прищучим!

А подставиться так глупо Истому крайне не хотелось, вот почему он, как и положено, выждал оставшиеся 75 минут расчетного времени и только тогда, закинув за спину винтовку, стал осторожно спускаться вниз. Темнота была полная, лишь изредка прорезаемая вспышками осветительных ракет, да и те светили сквозь пелену довольно густого снегопада. «Хорошо, что хоть компас с собой взять догадался, – удовлетворенно подумал Истомин, – а то бы пришлось полночи до своих ползти. В десяти шагах ничего не видно», – и он спрыгнул с последней ветки дерева.

А дальше произошло то, чего не мог ожидать никто. Ноги ощутили не рыхлый наст, а что-то твердое и покатоое, как бревно, и в этот же момент раздалось дикое: «А-а-а-а!». Истомин, пошатнувшись, упал на снег. Что это? В нескольких шагах от него, будто из-под земли, выросла человеческая фигура в белом маскхалате и со всех ног бросилась бежать в сторону немецких позиций. «Разведгруппа за языком, – как молния резанула сознание мысль, – но почему только двое? Где остальные? Их, как минимум, четверо должно было быть. За языком парами не ходят». Винтовка сама собой оказалась в руках. Но немцев было только двое. Один, придавленный при прыжке с дерева, глухо стонал, лежа на земле, а другой еще виднелся за пеленой бурана, освещенный мерцающим светом очередной ракеты. Истомин взял его на прицел. Не бегай от снайпера – умрешь уставшим. Выстрел. Немец со все-

го маху полетел в снег. Ракета погасла. А что теперь? Сознание, натренированное пятью годами войны, как всегда в таких ситуациях, работало быстро и четко. «Дотащу до своих, а там видно будет, разведчики они были или еще кто, – решил Истомин. – В штабе на допросе дознаются». Вытащив у немца из кобуры, как ни странно, табельный советский ТТ, Истомин огрел его для верности прикладом, поскольку даже связать пленному руки было просто нечем, и, ухватив за ворот полушубка, пополз вместе с ним в сторону нашего переднего края.

– Стой, кто идет? – раздался шепот из темноты.

– Свои. Снайпер, – Истомин назвал пароль.

– А, это ты, Лаптев. Ну и как охота? – поинтересовался подошедший, очевидно, для проверки постов комвзвода.

– Да так, помаленьку, товарищ младший лейтенант. Вот, с добычей вернулся. Только пока какого вида зверь попался – не знаю, – ответил Истомин, едва сдерживая смех от предвкушения будущего эффекта, и, встав в полный рост, спрыгнул в окоп. – Помогите немца пленного втащить.

Эффект был велик. На некоторое время все присутствующие буквально лишились дара речи. Еще бы, снайпер немца живьем доставил! Такого еще не было.

– Так, все, хватит, налюбовались! – наконец, не выдержав, рявкнул комвзвода. – Немца в блиндаж и ждать там, а я на КП за особистом.

– Товарищ младший лейтенант, нам еще санинструктор нужен, – напомнил Истомин, – а то ведь я на него почти с двух метров всем весом приземлился. Он до сих пор в себя не пришел, мало ли что.

– Санинструктора? – комвзвода на секунду задумался. – Он в блиндаже, несите немца туда.

– Да, знатно вы его, товарищ снайпер, потоптали, не иначе как перелом обеих голеней, – поставил диагноз врач, ощупывая ноги пленного немца, который все еще был без сознания. – Даже через одежду заметно.

– Доктор, а он не умрет? – забеспокоился Истомин. – Может, его в санбат отнести? Жалко будет, если такого языка потеряем...

– Не умрет, – мотнул головой врач, – сейчас мы его в чувство приводить будем. И с этими словами он сунул немцу под нос вату, смоченную нашатырем. Веки пленного шевельнулись, он открыл глаза.

– Так, где он? – в блиндаж буквально влетел особист в сопровождении комвзвода и переводчика. – А, уже очухался, это хорошо. Как он, доктор, говорить может?

– Может, может, – подтвердил врач, – правда, похоже, у него перелом обеих ног, так что для транспортировки понадобятся носилки, а в остальном полный порядок. Можно допрашивать.

– Отлично, – особист с довольным видом присел на заменявший стул чурбак и, глянув на переводчика, произнес: – Фамилия, имя, номер части.

А дальше началось самое интересное. Немец, решивший играть в молчанку, оказался русским. Да не просто русским, а лейтенантом особого отдела, если судить по знакам различия и документам в кармане гимнастерки. А еще в вещмешке у него были документы на демобилизованного по ранению красноармейца, следующего домой в город Челябинск, и документы о том, что сей достойный «защитник Отечества» является токарем первого разряда, а также советские деньги: четыре толстенные пачки потрепанными купюрами. В общем, набор шпиона во всей красе.

– Ну, что молчишь, «коллега»? – особист глянул предателю прямо в глаза. – Ты из себя контуженного-то не строи, все равно не поможет. Или забыл, гнида, что за измену Родине в военное время бывает? Так я напому: трибунал и стенка.

– Nein, ich bin deutsche soldat, – вдруг неожиданно произнес шпион на чистом немецком языке. И тут же, перейдя на русский, заявил: – Я не предатель. Я...

– Молчать! – заорал особист. – Это ты потом расскажешь.

– Значит так, – обратился он к комвзводу, – мне двух бойцов с носилками, я его у себя допрашивать буду. И еще, – особист внимательно посмотрел на Истомина. – Лаптев, со мной. Пока я с этим фруктом возиться буду, рапорт напишешь, что и как было.

Написание рапорта и дача объяснений заняли у Истомина более двух часов, а потому до своей землянки он добрался только в половине десятого, имея твердое намерение согреться и отдохнуть, поскольку день выдался на редкость тяжелым и нервным. Но не тут-то было. Как оказалось, его срочно требовал к себе комбат.

«Приключения продолжаются, – вздохнул Истомин. – Я-то ему еще зачем понадобился? Своих, что ли, у него забот мало? А впрочем, это наверняка из-за того, что сегодня случилось. Сам все от меня узнать хочет: что да как. Ладно, ничего не поделаешь,

пойду докладывать командованию», – и он зашагал в направлении КП батальона.

– Значит, ты полагаешь, что второй немец, или кто он там, больше двух-трех десятков метров от места твоей лежки пробежать не мог? – выслушав рассказ Истомина, переспросил комбат.

– Да, максимум тридцать, и то с запасом, – подтвердил Истомин. – Я так об этом в рапорте и написал. С учетом приблизительного времени и глубины снега – тридцать метров, не больше. А что, нам его искать приказали?

– Типун тебе на язык, Вася, – комбата аж передернуло. – Ну где ты его теперь найдешь после такого бурана? Он же к утру глубже, чем в могиле, будет. Просто особист звонил, сказал, чтобы на карте место примерно поместили. И по возможности, коли вперед двинем, тыловики поищут, может, что ценное и обнаружат.

– Теперь о другом, – комбат улыбнулся. – Тебе, как снайперу по тактике, в паре работать положено, а к нам сегодня пополнение прибыло, так что принимай напарницу, товарищ Лаптев.

С нар в дальнем углу землянки поднялась молоденькая, лет восемнадцати девушка, которую Истомин поначалу принял за нового санинструктора, присланную на место раненой.

– Сержант Оля Носова, – представил ее комбат. – А это Василий Андреевич Лаптев. Лучший снайпер дивизии. Он, как видишь, немцев не только стреляет, но еще и живьем берет.

Комбат усмехнулся, а Истому было не до смеха. Нет, он, конечно, не отрицал, что действовать снайперской парой намного лучше, чем в одиночку. Это, как говорится, основа основ, но лишь когда рядом с тобой такой же, как ты, понюхавший пороху снайпер, профессионал. А здесь... Не иначе как только со снайперских курсов. Ничего не скажешь, «повезло».

Истомин пристально взглянул на девушку и тут же понял, что был неправ. На груди у Оли блестела медаль «За отвагу». Ох ты, и где же это она ее заработала? Уж точно не за стрельбу в тире дали. Да и звание у девушки выше, чем у него самого, – сержант. Ладно, разберемся.

– Будем считать, что знакомство состоялось, – подытожил комбат. – Завтра, если позволит погода, отправитесь на первую совместную охоту. А впрочем, не мне вас учить. Полагаю, что работаетесь.

– Сработаемся, – подтвердила Оля и многозначительно посмотрела на Истомина, который прочитал в ее взгляде: «Будете

недостойно себя вести, господин штабс-ротмистр, мало не покажется».

– Вот и отлично, – комбат снова улыбнулся. – Тогда всё, оба свободны.

– С какого времени на фронте, товарищ сержант? – поинтересовался у своей напарницы Истомин, аккуратно вычищая шомполом ствол винтовки.

– С октября прошлого года. Кстати, можно по имени и на «ты», – Оля улыбнулась.

– Хорошо, тогда и ты меня можешь звать Васей, – Истомин улыбнулся в ответ. – А я, Оленька, с самого начала, с июля, у старой границы первый бой принял, так что почти ветеран.

– Слушай, Вася, а Красную Звезду за что получил? – вдруг неожиданно спросила Оля.

– А что, интересно? – Истомин взглянул на нее и понял, что ее аж распирает от любопытства.

– Конечно, – Оля перехватила его взгляд и тут же, перейдя почти на официальный тон, заявила:

– Я же должна знать о боевом пути человека, вместе с которым буду воевать. – А потом неожиданно добавила: – Пожалуйста.

– Ну, если «пожалуйста», то конечно.

Истомин, вставив шомпол на место, повесил винтовку на стену возле лежака и начал рассказывать об их с Рублёвым приключениях.

– Знаешь, Вася, а ведь вы с Федором Ивановичем очень большое дело сделали, – заключила Оля, выслушав рассказ Истоминна. – Восемь килограммов золота – это же тысячи винтовок и автоматов, сотни орудий и минометов, десятки тысяч мин и снарядов. И за все это вам двоим спасибо. Одним словом, молодцы.

– Согласен, – поддержал Олю Истомин, – но ведь и у тебя заслуги немалые. Медаль «За отвагу» – это ведь все равно что Георгий в прошлые времена.

– Ну, заслуги не такие уж у меня и большие, – возразила Оля. – Просто стреляю хорошо. С восьмисот метров в связку толковых шашек попасть удалось, когда провод от детонатора у саперов перебило. Мост с танками в воду рухнул. Но по сравнению с золотом это...

– Не так мало, – заявил Истомин, – особенно если учесть, что счет у тебя на девять фрицев больше моего, а в одиночку столько набить...

– Я не одна была, мы с моей школьной подругой Лизой вместе охотились, – вздохнула Оля. – Вместе в школе учились, на курсах снайперов ОСОАВИАХИМа вместе, воевали вместе.

«Да, зря я об этом разговор завел, – подумал Истомин. – Оля, похоже, близкого человека потеряла, напарницу...»

– Нет, все обошлось, – будто прочитав мысли Истомина, успокоила его Оля. – Жива Лиза, только ранило ее очень тяжело, не то что меня, – осколок в правое плечо и контузия. Половину легкого удалили, еле выжила, почти инвалид, но, как врач в госпитале сказал, все не так плохо, как могло бы быть, когда мина рядом падает. А недавно я письмо от Лизы получила: списали ее по ранению, сейчас уже дома, наверное.

«Да, дома», – подумал Истомин, поняв по тону Оли, что ей очень, очень хочется домой. А вот ему самому? Странно, но он вдруг совершенно неожиданно поймал себя на мысли, что домой уже не хочет. Раньше – да, очень хотел вернуться, сны о прошлом снились, а теперь либо ничего нет, либо одни кошмары по ночам. Видно, слишком давно он на войне, все сгорело внутри. Или все-таки нет? Истомин оценивающе посмотрел на Олю. Какая хорошенькая и кого-то очень и очень напоминает из той прошлой, довоенной, дореволюционной жизни. Но кого?

Оля слегка насупилась, но потом улыбнулась и опять официальным тоном произнесла:

– Все, знакомство закончено, товарищ младший сержант, спать пора.

– Да, пора, – согласился Истомин, – завтра снова охота, снова война, а потому надо отдыхать.

Глава 13

– Оптимальная позиция – со стороны сгоревшей деревни, – высказала свое мнение Оля, передавая Истомину бинокль. – По-другому минометчиков просто не достать, они в этом овраге, как в окопе полного профиля.

– Это точно, – согласился Истомин, внимательно осматривая место будущей охоты – левый фланг расположения их батальона.

Местность хуже некуда. Кругом ровное, как стол, поле. Ни бугорка, ни кустика, ни ложбинки. И минометная батарея в овраге, которая, несмотря на свое недавнее, а точнее вчерашнее появление, уже успела натворить немало дел, накрыв прицельным огнем НП дивизии. Командование было в ярости от подобного сюрприза, а поскольку артиллерии на этом участке фронта не было, не говоря уже о невозможности подключить к решению вопроса танки и авиацию, послали снайперов, дабы те своими действиями, если коротко – попаданием бронебойно-зажигательной пули в ящик с минами, поставили на действиях минометчиков жирный крест. Но приказать всегда легче, чем сделать, и вот теперь Истомин с Олей тщательно изучали ландшафт, подыскивая место для будущей снайперской позиции.

– Но в этом случае от нас до немцев будет метров сто пятьдесят. И как же мы потом среди бела дня уходить будем? – Истомин на секунду задумался и вопросительно посмотрел на Олю. – Нас же из пулеметов с переднего края, как в тире, посекут или с другой минометной батареей накроют. За горелыми домами ведь не спрячешься. Уж лучше со стороны леса – с деревьев, как я в прошлый раз работал.

– С деревьев не получится, – возразила Оля. – Во-первых, далеко, не меньше семисот метров, во-вторых, ветер, а это, как ты сам знаешь, огромный дополнительный минус. Я в прошлый раз свой самый дальний выстрел в полный штить делала. Так что работать по минометчикам можно только из деревни, хотя бы еще и потому, что с дерева быстро не спустишься, ведь лезть высоко придется, чтобы в овраг заглянуть. А поскольку та рощица, о которой ты говоришь, – самая удобная позиция для снайпера, то ее первую из минометов и обстреляют. Ну а насчет отхода не беспокойся, есть идея, – и Оля изложила Истомину свой план, согласно которому им предстояло после охоты укрыться в печке ближайшего сгоревшего дома, а немцы будут думать, что они засели где-нибудь на деревьях. Риск, конечно, немалый, но другой возможности выполнить поставленную перед ними задачу она просто не видит.

– Да, это лучшее из возможного, – немного помолчав, согласился Истомин. – Правда, в саже все потом как трубочисты будем, но тут уж не до чистоты, лишь бы живыми вернуться. Так что ждем темноты – и вперед.

Когда стемнело, Истомин с Олей выдвинулись к сторевшей деревне и залегли между рухнувшими и почерневшими от огня стенами изб.

– Неудачная позиция. Ящики с минами, скорее всего, вне сектора обстрела будут, – высказал свое предположение Истомин. – Придется бить по mine в руках заряжающего.

– Да, придется, – согласилась Оля, не отрывая глаз от прицела, – но тут близко, не промахнусь. А позиция хорошая, овраг на всю длину виден, так что куда бы они минометы ни установили, мы их в любой точке достать сможем. И после первого выстрела и взрыва – сразу в печку, ну а как всё успокоится, начнем работать по ближайшему тылу. Выстрел – и в печку, пережидаем, потом опять, как и планировали. Если не засекут, охотимся до вечера, как стемнеет – к своим. Сколько там времени?

Истомин глянул на часы:

– Минут десять осталось, если они как в прошлый раз начнут.

Оля сняла винтовку с предохранителя:

– Ждем.

Минометчики появились как по расписанию: ровно через десять минут. Впереди офицер, судя по всему – командир батареи, сзади солдаты расчета с боекомплектom и разобранными на части минометами.

«Так, где же вы остановитесь? А-а, вот здесь», – Истомин, покрутив маховички, выставил на прицеле расстояние. Его выстрел будет вторым, страховочным, на всякий случай, если Оля... Но это вряд ли, разве что патрон даст осечку.

Повинуясь командам офицера, немецкие расчеты, быстро собрав минометы, замерли, ожидая приказа. И вот заряжающий поднес к дульному срезу приготовленную мину. Звук выстрела и грохот взрыва слились в один всё заглушающий рев, подняв к небу дно оврага. Взрывная волна больно ударила по перепонкам. Истомин, тряхнув головой, посмотрел на Олю.

– Ты как, в порядке?

– Да, – Оля кивнула. – Теперь прячемся, пока пыль не осела. И они полезли в печку.

– Слушай, Вася, а это ты хорошо придумал – матрас подстелить. Тепло и даже мягко, как на кровати, – Оля глянула на часы. – Может, посмотрим? Вроде все тихо, и уже целый час прошел.

– А я вообще люблю комфорт, – Истомин, протянув руку, слегка отодвинул заслонку.

Оля выглянула в образовавшуюся щель.

– Ну что там? – поинтересовался Истомин.

– Овраг пустой, у немцев тоже, похоже, все спокойно, так что вылезаем и двигаем на позицию. Ты первый, я за тобой.

– Ну и видок у тебя, – Истомин посмотрел на Олю при свете бела дня. Прямо как...

– Сам не лучше, – возразила Оля, – не отвлекайся. У тебя левый сектор, у меня правый. Работаем.

– Есть работаем.

Истомин пошарил прицелом по ближайшему немецкому тылу: «Что там у нас? Офицер? Отлично. Выстрел. А теперь в укрытие».

До самой темноты продолжалась охота, а вокруг от взрывов мин дрожала земля. Это немцы, пытаясь уничтожить неизвестно где засевших русских снайперов, перепаливали из минометов нейтралку, но тщетно. Как только замолкали взрывы, в холодном зимнем воздухе раздавался одиночный выстрел, и очередной немец падал, сраженный меткой снайперской пулей. За весь день этой странной дуэли на территорию сторовшей деревни не упала ни одна мина. Несмотря на все старания вражеских наблюдателей, им так и не удалось вычислить то место, откуда по ним вели огонь Оля и Истомин.

– Ну и перемазались! Вот уж точно трубочисты, – покачал головой комбат, выслушав рапорт об успешной охоте.

– А мы и есть трубочисты, товарищ капитан, почти полдня в печке просидели, – Оля хихикнула.

– И это, судя по результатам, себя полностью оправдало, – комбат улыбнулся. – Что же, благодарю за службу. И еще... – он на секунду задумался. – За успешное выполнение задания особая награда – каждому по куску мыла. Нет, по два куска! А то вы никогда не отмоетесь.

Так начался совместный боевой путь Истомина и Оли. Почти каждый день выходили они на охоту и редко когда возвращались, не увеличив свой снайперский счет хотя бы на одного фашиста, а потому к началу лета стали одной из лучших снайперских пар дивизии, заставляя немцев не ходить, а ползать на этом участке фронта. Истомин был доволен. Да, пусть военная карьера в Крас-

ной армии с точки зрения чинов и званий не сложилась так, как он предполагал, только начиная эту войну, и за прошедшие десять месяцев ему удалось дослужиться всего лишь до сержанта. Но быть снайпером, как оказалось, – его второе после кавалерии призвание, а кроме того, и это было для него теперь самое главное, рядом была Оля. Она с каждым днем нравилась ему все больше и больше, причем он понимал, что это взаимно. А то, что и он девушке не безразличен, Истомин почувствовал сразу, с их самой первой встречи. И вот прошло уже почти четыре месяца. Эх, если бы не война, где каждое мгновение может стать последним, он бы уже давно признался Оле в своих чувствах... И страх за нее с каждым днем терзал Истомина все больше и больше.

В окне дома напротив блеснула оптика прицела немецкого снайпера. «Вот он, попался». Они уже целый месяц под Ржевом, и сегодня ровно десятый день, как идет охота на этого снайпера. Но сейчас, похоже, закончится. Истомин нажал на спуск. Блик исчез. «Есть, попал». И в то же мгновение зеркальце-приманка, вывешенное в глубине комнаты, где они с Олей прятались, разлетелось на куски. Немец успел ответить. Истомин резко повернулся к Оле:

– Ты как, не ранена? Битым стеклом не порезалась?

Перекатившись по полу, Оля подползла к Истомину.

– Со мной все хорошо, Васенька. Я, – она заглянула ему в глаза. – Я все понимаю, но очень боюсь, а если...

Истомин нежно обнял Олю.

– Да, конечно, может случиться всякое, но ведь все, что до этого, будет нашим. Ну так что, рапорт напишем о том, чтобы комбат нас расписал?

Дом содрогнулся от взрыва. Идиллия кончалась. Они бросились на лестницу и дальше во двор. Как раз вовремя. Дом, и без того поврежденный многочисленными попаданиями мин и снарядов, обрушился, превратившись в огромную грудку битого кирпича. Ухнули еще два взрыва, и артобстрел прекратился. Истомин оглядел развалины.

– Вовремя мы оттуда убрались, еще бы чуть-чуть, и... Это наверняка немцы по наши души дом накрыли, не иначе напарник убитого снайпера артиллерию навел. Ладно, все хорошо, что хорошо кончается, – он обернулся к Оле: – Ну так как насчет рапорта?

Звука взрыва Истомин не услышал, а только лишь успел краем глаза заметить, как в какой-нибудь полусотне метров от них встала дыбом земля, а потом его с невероятной силой что-то ударило в грудь, и он провалился в черную пустоту небытия.

Глава 14

«Тук, тук, тук». Что это так стучит, будто вода капает? Или нет, вода так не стучит. Истомин открыл глаза. Вагон поезда, а стучат колеса. Он в эшелоне, но не в теплушке, нет. Боль возникла внезапно, вернув сознание к реальности. Санитарный поезд, да, именно так, но тогда...

– Сестра, сестра, тут тяжелый очнулся! – прокричали откуда-то сверху.

Послышались торопливые шаги, и над Истоминным склонилась женщина в белом халате.

– Как самочувствие?

– Что с Олей? – еле ворочая пересохшим языком, прохрипел Истомин. – Мы вместе были, она живая? И воды, воды дайте.

– Воды? Да-да, сейчас, сейчас.

Медсестра отошла и через минуту вернулась, неся в руках поильник. Истомин присосался к носику и стал жадно глотать свежую прохладную воду. Выпил почти все и только тогда почувствовал, что может нормально говорить.

– Так что с Олей?

– Не знаю, – пожала плечами медсестра. – Ты четверо суток без сознания был. Самый тяжелый в нашем вагоне. Шесть осколков в грудь, а один так вообще чуть ли не из сердца вынули. А где Оля, не знаю, правда. Может, в другой госпиталь попала, а может, в нашем поезде. Я спрашиваю.

– Так, что тут у нас? – подошел врач. – Пришел в себя. Отлично. Считай, второй раз родился. Повезло тебе с гребешком. Если бы не он, прошел бы осколок до сердца.

– С каким гребешком? – не понял Истомин.

– С тем, что у тебя в кармане аккурат напротив сердца лежал, – пояснил врач. – В нем осколок и застрял.

Истомин тут же вспомнил, что во время предыдущей охоты нашел на развалинах сгоревшего дома красивый латунный гребень с узорной чеканкой и решил подарить его Оле на день рождения, а пока положил в левый нагрудный карман гимнастерки.

– А про Олю не думай пока. Если ты выжил, то и с ней все в порядке будет. Может, не раненая даже. Тебе сейчас поесть надо и поспать, вечер уже. И имей в виду, что если сам себя накручивать станешь, осложнения начаться могут, а то и вообще...

Есть Истомину, как ни странно, совершенно не хотелось, но раз надо, значит надо. Врачу видней.

– А теперь спать, – распорядилась медсестра, когда он поужинал. – Если что, позови, да я и сама еще подойду.

Истомин закрыл глаза, но сон не шел. «Оля, что с тобой? Живая или нет? Мы охотились на немецкого снайпера, был артобстрел, обрушение дома и взрыв одиночного снаряда. Снаряд взорвался сбоку, они были в неглубокой воронке, причем Оля... Да, она обязательно должна была остаться живой. Ведь он, можно сказать, закрыл ее своим телом от осколков... А если все-таки нет? Не может этого быть, не должно. Ведь он же шесть осколков в грудь получил и живой. Так почему же она...»

Легкий укол в плечо, и бешеный водоворот эмоций стал ослабевать. Мысли превратились во что-то аморфное и бессвязное, Истомин погрузился в сон. А сон был необычный. Во сне он летел. Летел над черной землей, оставив далеко позади санитарный эшелон. Сначала внизу была тьма, потом засияли огни. «Далеко от фронта, – понял Истомин, – не нужна светомаскировка». Все дальше и дальше на восток. Равнина сменилась горами, потом горы расступились, образуя долину. В долине город. Невидимой тенью скользнул Истомин по спящим улицам и остановился возле небольшого здания. Третий этаж, первое окно справа. Оля там. Стены – не преграда, он внутри. Двухместная госпитальная палата, на ближней к нему кровати спит Оля. Истомин смотрит на нее. Оля открывает глаза, тихо шепчет: «Вася». Дикая душераздирающий крик заполняет палату. Лежащая на соседней с Олей кровати девушка смотрит на Истомина полным ужаса взглядом. Резкий рывок, стремительный полет назад. Скорость огромна. Все мелькает кругом. Ощущение падения в бездну, дальше темнота...

Истомин открыл глаза. Тот же вагон санитарного поезда, ритмичный перестук колес, окна чуть посветлели. Значит, рассвет, часов пять утра. Но что это было? Сон? Какой странный. Хотя нет, почему странный? Все вполне объяснимо. Он видел Олю в палате госпиталя, думал о ней засыпая. Очень хотел увидеть, вот она ему и приснилась. Но тогда при чем здесь этот ночной полет со всеми географическими подробностями и дикий вопль ее соседки по палате? Это-то какое отношение к его желанию увидеть Олю во сне имеет? Вот и выходит, что живая Оленька, и даже, скорее всего, ранена не тяжело. А что до всего случившегося, так ведь близкие люди могут почувствовать и найти друг друга на расстоянии. Если, конечно, захотят очень. Одно плохо: Оля его самого может погибшим считать. Знать бы адрес госпиталя, куда ее увезли...

Истомин постарался прокрутить в памяти ночное путешествие. Вдруг какие-то важные детали всплывут, по которым можно будет название города и адрес госпиталя определить. Бестолку. Во-первых, было довольно темно, ведь при свете даже полной луны многого не разглядишь, во-вторых, он же не летчик, чтобы ориентироваться с воздуха. Ну а в-третьих, ему вообще было не до наблюдений географических подробностей местности на предмет их будущей идентификации. Вот если еще раз увидит, то сможет понять, тут он летал или не тут. А так... Единственное, что можно было с уверенностью сказать: это абсолютно точно не Кавказ, ведь он летел на восток. И это, скорее всего, не Сибирь – там леса и горы более высокие, а здесь была равнина и сразу горная цепь. Похоже на Урал, точнее, на Южный Урал, где он был два года назад (ну или двадцать три), перед тем как присоединиться к армии генерала Капшеля и совершить путешествие во времени. Оля, кстати, из тех мест. А впрочем, что это дает? Даже если предположить, что тот город действительно находится на Урале, даже на Южном Урале, то и тогда это похоже на поиск иголки в стоге сена.

«Нет, несерьезно все это», – решил Истомин. И ему явилась счастливая мысль: «Родителям Оленьки письмо писать надо! Слава богу, их адрес ему известен. Рассказать им все как есть, ну а уж они его письмо Оле перешлют. Долго, правда, получится, но тут, как говорится, без вариантов. А теперь лучше опять уснуть, потому что, во-первых, еще слишком рано, а во-вторых, кто сказал, что подобные путешествия возможны только ночью?» И, полежав немного, Истомин снова уснул...

– Неплохо, неплохо, а при предыдущих ранениях так же быстро заживало? – врач вопросительно посмотрел на Истомина.

– Не помню, я особо не следил, но при последнем осколочном ранении в руку на две недели в госпиталь попал. А что, со мной что-то не так? – забеспокоился Истомин.

– Ну как сказать? – врач на секунду задумался. – Просто состояние по сравнению со вчерашним днем резко улучшилось. Воспаление прошло, температура почти нормальная, и это без применения какой-либо дополнительной терапии. Вот это-то меня и заинтересовало. Думал, что у вас просто очень сильный организм, но, оказывается, случай несколько нетипичный. Ладно, посмотрим, что будет дальше, – подытожил доктор и начал осмотр следующего раненого.

«Да если бы вы знали, товарищ военврач, насколько мой случай нетипичен, – подумал Истомин, – то вы бы, наверное...» А вообще действительно странно, что раны так быстро заживать стали. Такого раньше не было. Не ночное ли путешествие повлияло? Что же, может быть, и так, но это сейчас не главное. Главное – с Олей связаться.

Поезд въехал на мост. В окнах замелькала паутина несущих конструкций.

– Волга, – сообщил сосед сверху.

«Волгу, значит, пересекли», – Истомин попытался вспомнить примерное расположение железнодорожных веток этого района. Мост вроде неширокий, а это значит, они не в районе Саратова, там Волга намного шире, да и город бы увидели. Скорее всего, Самарское, вернее, Куйбышевское направление. И если это так, то их путь лежит на Южный Урал. «Надо обязательно выяснить, куда они точно едут, – решил Истомин, – потому что, вполне возможно, торопиться с отправкой письма Оленькиным родителям пока не стоит». Ведь если его предположения о пути следования санитарного поезда верны, то не исключено, что они через ее родной город будут проезжать.

В проходе появилась медсестра.

– А куда мы едем? – воспользовавшись моментом, задал ей вопрос Истомин.

– На Урал, наш поезд ведь оттуда, – медсестра улыбнулась. – И если задержек не случится, то завтра к вечеру будем дома.

«Что же, все складывается как нельзя лучше, – подытожил Истомин. – Через сутки, ну или около того, прибудем на место, и сразу надо письмо отправить уже с обратным адресом госпиталя. Туда-сюда пара недель, и Оленька обо всем узнает и ответит».

Мимо пронесся встречный эшелон – теплушки, платформы с танками.

– На фронт едут, а мы в тыл, на отдых, – прокомментировал сосед сверху.

«Да, действительно на отдых, – мысленно согласился Истомин. – Можно сказать, в отпуск, и если бы еще раны не болели, то все было бы даже очень неплохо».

Предположение медсестры о том, что через сутки они доберутся до места, оправдалось полностью. К вечеру следующего дня их эшелон встал под разгрузку на небольшой железнодорожной станции. «Наконец-то», – Истомин, лежа в кузове полуторки, с наслаждением вдыхал свежий, не пропитанный запахом крови и лекарств воздух, с интересом поглядывая по сторонам.

Город, куда их привезли, был расположен в долине, окруженной кольцом невысоких, поросших травой гор. Странно, но окружающий пейзаж показался Истомину знакомым, будто он его уже видел раньше. Но когда? Может, в 1918 году? Вроде нет...

Полуторка свернула на довольно широкую, возможно, центральную улицу города. Чувство знакомости и виденности усилилось. Да, он здесь был, причем совсем недавно. Еще один поворот, они въехали в ворота госпиталя, и Истомин понял все. Трехэтажное здание из красного кирпича. Это то самое место. Он здесь был два дня назад, когда во сне искал и нашел Олю. Это именно тот самый город и тот самый госпиталь. Его привезли сюда.

– Скажите, а Оля Носова у вас в какой палате лежит? – задал вопрос уже собиравшейся уходить медсестре Истомин. – И какие у нее ранения?

– Носова, – медсестра на секунду задумалась. – Да, есть такая, она на третьем этаже, там из подсобки двухместную женскую палату сделали, пятьдесят первую, а ранения не тяжелые, ходит уже. Передать что?

– Да-да, передайте... – Истомин улыбнулся. – Скажите ей, что Вася Лаптев живой, он в двадцать седьмой палате.

– Хорошо, хорошо, – медсестра тоже улыбнулась, – после обхода обязательно передам.

А через полчаса в палату вихрем влетела Оля.

– Васенька, живой! Мой хороший, живой, – шептала она, целуя Истомина. – Но как? Я же сама видела, что тебе осколками всю грудь изодрало, а один так прямо в сердце попал.

– Есть немного, – согласился Истомин, – аж целых шесть штук вынули. А насчет сердца – так у меня в кармане гребешок был латунный, подарок тебе, вот в нем осколок и застрял. Но со мной, врач сказал, все нормально будет. Ты-то как?

– Я... Ну я... – Оля замялась. – Правую руку и бок зацепило, но бок не сильно, подживает уже, а вот руку – кость ниже локтя перебило в двух местах.

– Оленька, а что с пальцами? – Истомин вдруг совершенно неожиданно обратил внимание на то, что висящая на перевязи загипсованная рука Оли имеет слишком короткую ладонь.

– Оторвало все четыре, – Оля всхлипнула. – Только один большой остался. Но ты не волнуйся, Васенька, мне и одного хватит, главное, что ты живой.

К горлу Истомина подкатил колючий ком: Оля стала инвалидом... Хотя, может, оно и к лучшему: ведь теперь ее по ранению спишут, и война для нее закончится. Ибо, как ни грубо это звучит, но на войне раненый и покалеченный – значит, живой. Вот так же и Оля – живая.

– Да, Оленька, – Истомин попытался перевести разговор в более приятное русло. – Помнишь, о чем мы тогда на нашей последней охоте говорили? Так как насчет подать рапорт командованию? Ведь ты же мне тогда ответить не успела.

– Рапорт? – Оля от неожиданности округлила глаза, потом скосила взгляд на свою загипсованную руку и посмотрела на Истомина, как бы говоря: «Так я же теперь...» Истомин кивнул:

– Это не важно. Что бы ни случилось...

Оля улыбнулась, наклонилась к нему и прошептала на ухо:

– Да.

– Носова, тебе кто разрешал вставать? – грянуло как гром среди ясного неба – это в дверях палаты появился врач.

– Ой, – Оля побледнела и съежилась. – Я-я-я больше не буду, правда. Но, товарищ военврач, тут мой Вася, он живой, оказывается. Мне медсестра сказала, и я прибежала, и мы с ним поженимся скоро.

– Живой, значит, – врач улыбнулся. – Ну, если живой, то ладно, а вот насчет пожениться – с этим еще подождать придется. Идите к себе, вам укол пора делать.

– Васенька, я пошла, – Оля поправила у Истомина одеяло, – скоро еще приду.

Ну что же, все хорошо, что хорошо закончилось. Истомин, окинув взглядом палату, прочитал в глазах соседней немой вопрос: «Когда свадьба?» и торжественным тоном произнес:

– Скоро, очень скоро. Неделю гулять будем!

Но, как известно, человек предполагает, а Господь располагает, и поскольку Истомину после излечения от тяжелого ранения тоже полагалась демобилизация, то они с Олей решили не подавать рапорт о заключении брака прямо здесь, в госпитале, а сыграть свадьбу, как и положено, дома. И так бы оно, наверное, и случилось, если бы совершенно неожиданно не возникло одно очень важное обстоятельство, которое перевернуло все отношения Истомина с Олей.

– А, вот вы где, голубки, – к сидящим на скамейке госпитального парка Истомину и Оле подошла медсестра. – Как самочувствие?

– Наилучшее, – Оля улыбнулась. – Дышим свежим воздухом, как и положено выздоравливающим.

– Ну и отлично. Тогда держи, письмо тебе из дома пришло, да такое толстое, прямо целая бандероль.

«Да, действительно бандероль», – подумал Истомин, взглянув на большой конверт, нисколько не напоминающий обычные фронтовые треугольники.

– Так там, наверное, мои фотографии для пионеров, – тут же догадалась Оля. – Хорошо, что письмо прийти вовремя успело, а то ведь мы завтра домой уезжаем. Она протянула Истомину конверт.

– Открой, Васенька, посмотрим, что там мне мама с папой прислали.

И действительно, в конверте оказалось полным-полно фотографий, как и просили пионеры, собиравшие для школьной стенгазеты материалы о войнах Красной армии, лечившихся в госпитале.

– Вот тут я на стрелковых курсах ОСОАВИАХИМа, а это наш десятый класс, а тут меня в комсомол принимают, – давала Оля пояснения к фотографиям.

«Да, неплохо, неплохо, – думал Истомин, разглядывая фотографии. – Прямо настоящая фото летопись. Пионеры будут довольны».

– А это я совсем маленькая с мамой и папой, – показала Оля Истомину очередную фотографию. – Как я тебе тут, Вася? Хорошенькая? Ну что ты молчишь? Или не понравилась?

Но Истомин молчал совсем по другой причине. То, что он увидел на снимке, глубоко потрясло его. С фотокарточки вместе с маленькой Олей на него смотрели его родители. Да, его родители! Но тогда... Он глянул на Олю – так и есть. Вот кого она ему постоянно напоминала! Она на маму похожа. Она его сестренка.

– Вася, тебе что, плохо? – с тревогой в голосе спросила Оля. – Я сейчас медсестру позову.

– Нет-нет, – мотнул головой Истомин, наконец придя в себя. – Просто душно как-то, наверное, гроза будет.

– Будет, конечно будет, – согласилась Оля, – по всем признакам, погода меняется, да и рука у меня теперь, как барометр. Я давно заметила: при изменении погоды ныть начинается. Ладно, пойдем в палату, тебе все-таки полежать надо.

«Кошмар, это просто кошмар. Вот это я влип!» – Истомин, бухнувшись на койку, закрыл глаза. Нет, конечно, попав в иное время, он думал о родителях, ведь двадцать два года – не два века, и если бы не война, давно бы начал их поиски. Но чтобы найти их вот так, да еще и с сестренкой, да при таких обстоятельствах... Это уж ни в какие ворота. Ну ладно, с первым вопросов нет: как и что с ним было, он отцу и матери объяснит, расскажет. Но Оля! С ней-то как? Ей-то что рассказывать – правду? Не приведи Господи, уж лучше пулю в лоб. Да и потом это в принципе не пройдет, потому как не поверит она. На последствия ранения спишет. А даже если и поверит? Родители, к примеру, подтвердят, и что с того? Все ведь как было останется. Даже еще хуже. Мало того, что за любимого человека замуж не вышла, так еще и такое о себе и близких узнала: что она – не совсем она, под чужой фамилией живет, и не из пролетариев, а из рода дворянского.

«Нет, однозначно нет, – решил Истомин. – Ни о какой правде не может быть и речи, во всяком случае пока». И хотя за все время знакомства с Олей он не заметил за ней какой-либо особой приверженности к большевистским взглядам, как у некоторых,

он все же абсолютно не хотел ломать ее жизненные идеалы. Особенно в свете своего собственного опыта революционной катастрофы. А потому, не откладывая дело в долгий ящик, Истомин начал разрабатывать версию, которая бы позволила объяснить его столь чудесное появление.

И тут весьма кстати оказалась детдомовская биография Васи Лаптева, поскольку давала довольно широкое поле для маневра, и возраст подходил. 1916 года рождения, а Гражданская в двадцатом закончилась, так почему бы не предположить, что из-за какого-либо события, крушения поезда, например, родители его потеряли? То есть мама потеряла. Ранило ее тяжело во время крушения, а он в детдоме оказался и только вот сейчас по чистой случайности родителей на фотографии узнал.

«Что же, хотя и с натяжкой, но вполне правдоподобно, – немного поразмыслив, решил Истомин. – На этом и остановимся. А что до конкретных деталей, то их уже дома у родителей, в узком, так сказать, кругу обговорить надо, чтобы впросак не попасть. Хотя это вряд ли, ведь Оле не до деталей будет после того, как он ей про все расскажет. Жалко, конечно, что все вот так получилось. Как бы им хорошо вместе было, но, с другой стороны, не слишком ли много он от судьбы требует? Три войны прошел, во времени перекинуло, родители нашлись, сестренка, завтра они вместе домой уезжают, новая жизнь впереди. Грех жаловаться. А Оля пусть и не может стать его женой, но ведь все равно мы вместе будем».

Глава 15

– Располагайтесь, ехать пора.

– Да-да, сейчас, – Истомин помог Оле забраться в кузов и, прихватив вещмешок, залез сам, опустившись рядом с ней на свернутый брезент.

Водитель, крутнув ручку стартера, запустил мотор, и полуторка выехала из ворот госпиталя. Истомину и Оле повезло: вместо того, чтобы ждать проходящего эшелона и ехать в переполненном вагоне, они воспользовались удачно подвернувшейся попутной машиной.

– Это вам в качестве свадебного путешествия, – улыбнулся водитель, – к вечеру будете дома.

«Да, дома», – Истомин проводил взглядом удаляющееся здание госпиталя.

Сегодня 1 августа 1942 года, ровно двадцать восемь лет с начала Первой мировой войны, как ее еще теперь называют. А он, Истомин, за пять лет прошел целых три: германскую, Гражданскую, Великую Отечественную. Итог: семь ранений, офицерский Георгий, Красная Звезда и не был дома почти четверть века. Но теперь война для него закончена. Закончена навсегда. Демобилизован по ранению. Впереди новая, мирная жизнь. Какой она будет? Как сложится? Одно хорошо – не в пустоту, а домой едет. Совсем немного осталось...

Оля прижалась к Истому.

– Вася, как ты думаешь, мама сильно расстроится? – она скосила глаза на уже не загипсованную, но все еще висящую на перевязи руку. – Ну, что у меня...

– Нет, не сильно, – Истомин обнял Олю. – Ты же живая вернулась, а пальчики... Так у тебя один большой остался. Им в носу ковырять можно, – он улыбнулся.

– В носу, – Оля хихикнула, – в носу, Васенька, ковыряться некультурно. Я им лучше чесаться буду.

Оба весело рассмеялись.

Выехав из города, полуторка оказалась в холмистой степи среди распаханых полей.

– Надо же, трактор, – удивился Истомин, – а вон еще один, а там еще и еще.

В его время такого не было. Сильно все-таки, видимо, после революции страна вперед шагнула. Может быть, зря он тогда, в восемнадцатом, к большевикам не примкнул, как генерал Брусилов например? Была ведь возможность. Красные же бывших царских офицеров военспецами брали. И был бы сейчас не сержантом Лаптевым, а полковником Истоминным или, как минимум, майором. Но, с другой стороны, если вспомнить, что эти самые большевики в том же восемнадцатом творили, особенно их ЧК... Не просто же так, в конце концов, фамилию родителям поменять пришлось с сословной принадлежностью вместе. Из дворян в рабочие перейдя, к тому же из Петербурга за тридевять земель на Урал уехать.

А что касается тракторов и прочей механизации, то это и не обязательно заслуга большевиков может быть. Ведь и при царе промышленность в России была неслабой. Одни линкоры «Гангут» на Балтике и «Императрица Мария» на Черном море чего стоят, а их не за границей – на наших отечественных верфях строили. А железные дороги – самые протяженные в мире, а автомобили «Руссо-Балт», аэропланы, дирижабли!.. Вот и выходит, что все это вполне могло и без большевиков состояться, как нормальное следствие развития страны. Или все же нет? Вопросы, вопросы, вопросы.

Навстречу попался обоз с хлебом. Над передней подводой был растянут плакат «От пионеров хлеб – фронту». «А вот в пропагандистской работе с населением большевики явно преуспели, – отметил про себя Истомин. – Умеют как надо дело поставить. Плакаты, листовки, лозунги. В дореволюционной России такого не было».

Водитель, свернув в сторону полевого стана, затормозил возле лежащей под брезентовым навесом кучи деревянных чурок одинакового размера. Чудо техники – автомобиль на дровах. Полоторка, на которой они ехали, ради экономии столь необходимого на фронте бензина была оснащена газогенератором. Подобную машину Истомин видел впервые. Заправившись, поехали дальше все среди тех же бескрайних полей, раскинувшихся теперь уже посреди не холмистой, а плоской, как стол, степи. Мимо тракторов и комбайнов, встречных машин и обозов. Истомин смотрел во все глаза: вот оно, будущее. Ведь, перепрыгнув в одночасье через два десятка лет, он попал с одной войны на другую, а там, на войне, многого не увидишь. Но зато теперь... Страна-то совершенно другая, а он сам – осколок империи, кусочек той старой, дореволюционной России, пусть и слегка уже пообтертый современностью, но все же, все же, все же...

До города добрались, как и рассчитывали, под вечер. Типичная провинция со своей размеренной, но военно-тыловой жизнью. Сюда, на Урал, ценой колоссальных усилий эвакуировали промышленность из охваченной войной западной части огромной страны. Здесь создавали оружие и готовили кадры для фронта.

«Не пойти ли инструктором в школу снайперов? – вдруг совершенно неожиданно подумал Истомин. – В принципе, почему бы и нет? Опыт-то имеется, да еще какой. Все же больше пользы

там от меня будет, чем где-либо на заводе. Квалификация-то в ремесленном деле у меня нулевая. Заново учиться придется. Хотя можно и на завод, если учесть, что там сейчас и дети у станков стоят, по полторы-две нормы за смену выдавая. Это уже будущее покажет. Но варианта с возвращением на службу в какой-либо военной школе исключать не стоит».

Водитель подвез их прямо к воротам, попрощался и уехал. Оля толкнула калитку, и они вошли во двор. Истомин с интересом окинул взглядом свое новое жилище. Дом двухэтажный. Деревянный верх, кирпичный низ. В таких до революции купцы или состоятельные служащие жили. И в этом доме наверняка тоже какой-нибудь, как при советской власти говорить стали, буржуй жил. Сам наверху, а внизу прислуга: дворник, кучер, повар. Возможно, целая семья в прислугах ходила, раз первый этаж, где он теперь жить будет, в виде квартиры спроектирован. «Во всяком случае, бывший владелец был человек небедный», – сделал вывод Истомин, обратив внимание на находящуюся в задней части занятого теперь огородами двора конюшню.

– Папа и мама на работе, Лиза и ее мама тоже. Значит, мы сегодня встречающиеся, – резюмировала Оля. – Вася, там над дверью запасной ключ.

Истомин пошарил за облицовкой.

– Есть, вот он.

Квартира оказалась небольшой. Две комнаты и кухня с изразцовой печкой внушительных размеров. Обычная мебель: стол, книжный и платяной шкафы, две кровати, диван, буфет. «Да, это не наше питерское жилье, – констатировал Истомин. – Ну так и мы теперь не дворяне. Так что будем соответствовать».

– Ох ты, а это откуда?

На верхней полке книжного шкафа лежала... Истомин не поверил своим глазам: «Неужели та самая?»

– Моя скрипка.

Оля, открыв дверцу, достала инструмент здоровой рукой.

– Я до войны на ней хорошо играла, а теперь...

– И теперь будешь, – как можно увереннее заявил Истомин, – только потренироваться надо. – Давно увлекаешься?

– С восьми лет, а вообще эта скрипка очень старая. Сколько себя помню, всегда у нас была.

«Точно моя», – повторил про себя Истомин.

Скрипку ему подарили родители на день рождения в десять лет, на первую круглую дату, так сказать. И играл он на ней виртуозно. Мама даже подумывала о консерватории, но он все же предпочел военную карьеру музыкальной, оставшись верным семейной традиции. «Ну надо же! Привет из прошлого. Но как она здесь оказалась? Видно, родители в память о погибшем сыне сберегли, иначе зачем было тащить с собой из Питера через полстраны этот, в принципе, не представляющий никакой особой ценности музыкальный инструмент? А если попробовать поиграть?»

– Можно?

– Ты что, умеешь? – удивилась Оля.

– Ну так, немного. Истомин приложил скрипку к плечу, провел смычком по струнам и комнату наполнили чарующие звуки.

Оля была удивлена до глубины души.

– Вася, а чего я еще о тебе не знаю? Ведь так может играть только...

Хлопнула входная дверь, в коридоре послышались шаги, и в комнату вошли родители. Вместе работали на заводе, вместе пришли со смены, а дома...

– Оленька!

– Мама!

Истомин почувствовал, что у него стали влажными глаза. Отца и мать он не видел три года, а они его? Да, четверть века – немало, да, постарели, но... Огромным усилием воли Истомин сдержал нахлынувшие эмоции. «Нет, пока нельзя, еще слишком рано, еще чуть-чуть, и он им все расскажет, а пока...»

– Представляете, а Вася, оказывается, на скрипке играть умеет, но мне об этом ничего не говорил.

Сияющая от радости Оля сидела на диване в обнимку с родителями.

– Он тебе сюрприз сделать хотел, вот поэтому и не сказал, – предположила мама.

– А действительно, подготовка очень даже ничего, – высказал свое мнение отец.

– В детском доме в музыкальном кружке занимались. Да, с десяти лет, – подтвердил Истомин. – Перерыв, правда, из-за войны был, но форму, как видите, не потерял, и инструмент хороший. Начало века. Год так 1904-й.

Истомин буквально в воздухе ощущал огромное напряжение, охватившее отца и мать, постоянно ловил на себе их удивленно-растерянные взгляды. Еще бы, ведь будущий муж их дочери не просто как брат-близнец похож на пропавшего на Гражданской войне сына, но и голос его, манера поведения. Есть от чего прийти в замешательство. Но начинать сейчас разговор было нельзя. Мешала Оля. Хоть бы на полчаса остаться с родителями наедине!

За окном мелькнул женский силуэт.

– Ой, мама, это же Лиза с работы пришла, – Оля встала с дивана. – Я к ней схожу?

– Конечно, конечно, моя хорошая. Вы же так давно не виделись, – кивнула мать.

«Вот и отлично, примерно час у нас есть, если не больше», – Истомин посмотрел на родителей.

– Я вам вашего сына напоминаю? Очень похож?

– Какого сына? – насторожился отец.

– У нас только дочка Оленька, – дрогнувшим голосом произнесла мама.

– Владимира. Вольдемарчика. 1894 года рождения. Вы тогда в Петербурге на Васильевском жили, и фамилия у вас другая была – Истомины. А скрипка, – краткий кивок в сторону книжного шкафа, – это подарок Вольдемару на его десять лет – 27 января 1904 года. Он потом кадетский корпус окончил, с 1916 года на германской, штабс-ротмистр. В восемнадцатом вернулся, три недели побыл дома – и к Колчаку в Сибирь. А потом пропал. Вы, наверное, решили, что либо погиб, либо в эмиграции. Так вот ни то, ни другое. Меня из девятнадцатого года швырнуло в сорок первый, поэтому я так мало изменился. Красноармейская книжка – не моя, у убитого взял, а вас на фотографии увидел. Вы же Оле в госпиталь для пионеров целый фотоальбом прислали. Вот, смотрите, – Истомин задрал рукав гимнастерки, – две родинки на левой руке чуть выше запястья: одна – темная, другая – светлая. Я вернулся, я живой.

– Это тебя, сыночек, Господь сохранил, – мама поцеловала Истомина.

– Во времени на двадцать два года в будущее – действительно чудо, – согласился отец после того, как Истомин закончил рассказ о своем путешествии во времени. – Что же это за Стоунхенджи такие у нас на Урале? – отец помолчал и спросил: – А с Олей как быть?

– С Олей я сама поговорю, – решила мама. Объясню, как Вольдемарчик с крушением поезда предложил. В то время подобное вполне могло случиться, разруха ведь после Гражданской по всей стране была. Так что тут в самую точку, лучше и не придумаешь. Ладно, пойду праздничный ужин готовить. Детки наши с войны вернулись.

– А я помогу, – Истомин встал с дивана, – у нас с Олей тушенка есть, в госпитале на дорожку сухой паек выдали. Так что покормим сестренку кусненьким.

Оля вернулась от подруги. Новость о том, что Василий Лаптев, ее фронтовая любовь, оказался ее же родным братом, стала для неё ушатом холодной воды.

– Как братик? Вася – мой братик? – Оля растерянно поглядела на маму. – Да вы что, серьезно? Но ведь у него фамилия и отчество другие! Отчество у него другое, мама! Как же он может быть мне братом?!

– Так в детдоме записали, – вздохнул Истомин. – Мне же тогда четыре года было. Имя – да, мое. Я его помнил, а остальное очень смутно. А когда мы с тобой в госпитале твои фотографии смотрели, ты еще медсестру позвать хотела, думала, что мне плохо. Тогда я родителей и узнал на фотокарточке. Правда, до конца уверен не был, времени-то сколько прошло, вдруг просто похожи? А сейчас поговорили – всё точно. И станция рядом, возле которой крушение поезда произошло, и дата, и даже родинки на руке.

У Оли на глазах появились слезы:

– Что же мне делать, Вася? Я ведь теперь никогда замуж не выйду. Ну кто меня такую возьмет, инвалида? Она уткнулась Истомину в плечо и заплакала.

– Ну что ты, что ты, – Истомин нежно поцеловал Олю в щеку. – Не плачь, не надо. Выйдешь ты замуж, обязательно выйдешь. Ты же очень, очень хорошая.

– Да? Правда?

– Конечно. Ну что, успокоилась? – Истомин еще раз поцеловал Олю в щеку. – А теперь давай ужинать. Праздник сегодня, мы с войны вернулись.

После ужина Истомин и Оля долго сидели во дворе на скамейке. Истомин осторожно обнимал его и уже не его Олю. И вдруг она спросила:

– Слушай, Вася, а как ты узнал, что я в этом же госпитале?

– Как узнал?

Истомин на секунду задумался. «Сказать правду или?.. А хотя зачем придумывать?»

– Во сне увидел, – и он рассказал ей про свое ночное путешествие.

– Вася, а это не сон был, – с абсолютной уверенностью заявила Оля. – Я тебя тоже видела. Ночью вдруг проснулась, а ты в палате стоишь и на меня смотришь, а сам точно из тумана и светишься. А Зина, медсестра с нашего этажа, она в ту ночь домой не пошла, а в моей палате на свободной койке спать осталась, тебя тоже увидела. Да как заорет. Весь госпиталь разбудила. Ей еще потом, как я слышала, главврач сказал, что если она про привидение болтать не перестанет, он ее в дурдом сдаст. Так это что же получается?

– Не знаю, – пожал плечами Истомин, хотя и догадывался о том, что это было. – Просто мы вместе очень хотели быть. И будем, даже привидениями.

– Привидениями, – Оля хихикнула, – нет, привидением я быть не хочу, люди бояться будут, мне и так нравится.

В небе сверкнула падающая звезда.

– Вася, быстрее загадывай желание. Успел?

– Нет, не успел, – честно признался Истомин.

– А вот я успела, целых три. И какие! Чтобы мы немцев побыстрее победили. Чтобы все у нас и у всех-всех хорошо было.

– Присоединяюсь, – Истомин поцеловал Олю. – Так оно и будет.

Глава 16

– Вот так, Владимир Викторович, и закончилась моя история. – Инструктором в школу снайперов не взяли, так что с 1942 года в отставке. До конца войны на патронном заводе работал, потом на курсы бухгалтеров пошел, и так до самой пенсии по финансовой части. В общем, как мы с Олей тогда в сорок втором загадывали, так оно и получилось – что у нее, что у меня. Так как же – есть у меня шанс свое настоящее имя вернуть?

– Шанс, – адвокат задумался. – Шанс, господин Истомин, есть, но заявление в суд по подобным основаниями подавать нельзя. Сами понимаете, ведь даже если мы судью во всем, что вы мне тут сейчас рассказали, убедить сможем, то и тогда нельзя ему будет на этом свое решение строить. В лучшем случае его с работы попросят. Не все же судейское сообщество к аномальным явлениям столь лояльно. Вот поэтому, – адвокат сделал паузу, – мы поступим следующим образом: состарим вас на 25 лет, чтобы вы действительно с 1894 года были. Это по свидетельским показаниям установить можно. Кто еще про вас правду знает? Кого в свидетели записать?

– Оля знает, ей родители перед смертью правду открыли. Они у нас долго, почти сто лет прожили, так что она, как сейчас молодежь говорить любит, давно в курсе.

– Еще кто?

– Муж Оли, Петр Яблоков. Да, тот самый однополчанин, который благодаря моим советам снова ходить начал. И жена моя Лиза, Олина подруга. Они, правда, про все это недавно узнали, но я с ними уже говорил, в свидетели пойдут.

– Вот и отлично, товарищ Лаптев, – адвокат улыбнулся, – попробуем вам ваше настоящее имя вернуть. Кстати, с наступающим Новым годом вас, господин Истомин. После праздников приходите.

– И вас, Владимир Викторович, тоже с наступающим.

– Спасибо.

Настенные часы с гирями пробили шесть.

ЭПИЛОГ

– Встать, суд идет!

В зал судебного заседания вошла судья.

– Оглашается резолютивная часть решения по заявлению гражданина Лаптева Василия Андреевича. Рассмотрев в открытом судебном заседании заявление об установлении личности, суд решил. Заявление гражданина Лаптева Василия Андреевича об установлении личности удовлетворить. Признать, что граж-

данин Лаптев Василий Андреевич 1916 года рождения, место рождения город Псков, в действительности является гражданином Истоминым Владимиром Васильевичем 1894 года рождения, место рождения город Санкт-Петербург. Решение может быть обжаловано в течение десяти дней с момента изготовления в окончательной форме.

Адвокат подошел к Истомину:

– Ну что же, Владимир Васильевич, поздравляю, теперь вы снова тот, кем были. Через десять дней решение вступит в силу, и тогда вы получите паспорт.

– Спасибо, Владимир Викторович, это все, что мне было нужно.

Содержание

Пролог.....	3
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	12
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	29
Глава 10	49
Глава 11	61
Глава 12	68
Глава 13	76
Глава 14	81
Глава 15	89
Глава 16	96
Эпилог.....	97

Владимир Викторович Семибратов
Попаданец наоборот

Рецензент Виталий Молчанов
Редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева

Издательский центр МВГ
E-mail: wgmoses@mail.ru
Тел. (3532) 55-41-99

Подписано в печать 18.11.2016 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Агентство «Пресса»:
Оренбург, ул. Пролетарская, 15.
Тираж 200 экз. Заказ №_____.

ISBN 978-5-600-01551-7

9 785600 015517